

А-795

А.В. Предтеченский

СОВРЕМЕНИК
ДЕКАБРИСТОВ
Т.Г. БОК

ЭСТОНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

XIII
A-795

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР

А. В. ПРЕДЧЕНСКИЙ

СОВРЕМЕННОК
ДЕКАБРИСТОВ — Т. Г. БОК

ЭСТОНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН 1953

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук ЭССР

*

Редактор Г. М. Борисов

*

РИСО № 115

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

69725

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ
ПЕРЕДОВОГО РУССКОГО ДВОРЯНСТВА ПОСЛЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА**

Отечественная война 1812 года и заграничные походы 1813—1814 годов имели огромное значение в истории нашей страны. Россия отразила натиск противника, сила которого казалась непреодолимой. Более того, поражение Наполеона в России явилось началом крушения всей наполеоновской империи: «С 1812 г. начинается упадок военного могущества Н[аполео]на I» — отметил В. И. Ленин¹. Победа над Наполеоном вызвала в различных классах русского общества разные чувства. Уничтожение наполеоновской империи было воспринято крепостниками, как ликвидация революционной опасности. Им оставалось только направить свои усилия на то, чтобы в дальнейшем устранить всякую возможность возрождения революционного движения в Европе и прежде всего — в России. Деятельность правительства Александра I в период 1815—1825 гг., нашедшая себе выражение во множестве фактов и явлений внутренней и внешней политики, в первую очередь определялась этим мотивом.

Победа России вызвала торжество в тех дворянских кругах, которые рассматривали ее прежде всего как средство к достижению русской гегемонии в Европе. Мысль эта была не нова, но в годы 1805—1812, т. е. в период первых войн с Наполеоном и русско-французского «союза», она замерла. Возродилась эта мысль сразу после того, как определилось поражение Наполеона, и по мере дальнейших успехов русских войск и дипломатии она крепла и развивалась.

Иными были чувства тех людей, которые не принадлежали к крепостническому дворянству и потому не имели никаких оснований стремиться после поражения Наполеона к дальнейшему укреплению самодержавно-крепостнической монархии. С их точки зрения причины победы России заключались отнюдь не в ее политическом строе и социальных отношениях, а прежде всего в воле к победе народа, к которому они причисляли и самих себя. Наиболее радикально настроенная часть людей этой кате-

¹ Ленинский сборник XI, стр. 50.

гории живо ощущала лежавшие на народе тяготы. Совершенно естественно, что после победы народа они должны были стремиться к облегчению его участи. Иными словами, освободительные тенденции в их среде имели все основания усилиться.

С особенной отчетливостью выступает значение войны 1812 года в формировании революционной дворянской мысли в свидетельствах декабристов. Полно глубокого интереса признание А. А. Бестужевым тесной связи между борьбой с Наполеоном и борьбой за свободу. Он писал в письме Николаю I из Петропавловской крепости о том, что с момента вторжения Наполеона в Россию «пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной — вот начало свободомыслия в России»². Весьма важно замечание И. Д. Якушкина о самостоятельной роли народа в победе над Наполеоном. Не правительству во главе с царем приписывал И. Д. Якушкин победу, а народу, который не остался «в оцепенении», т. е. выступал на войне в качестве активной самостоятельной силы³. Сознание несправедливости, учиненной по отношению к народу, которое отчетливо звучало в письме П. Г. Каховского Николаю I из Петропавловской крепости и которое, конечно, вместе с ним разделялось многими, было одной из наиболее существенных причин политической активизации дворянской прогрессивной интеллигенции⁴. Полно и последовательно изложил свою точку зрения на значение Отечественной войны и походов 1813 и 1814 гг. для развития революционных идей в России Д. И. Завалишин. Поражение Наполеона, по его словам, показало слабость абсолютизма и послужило причиной обострения борьбы с ним⁵. Так же рассуждали В. И. Штейнгель, М. И. Муравьев-Апостол, И. И. Пущин и другие декабристы.

Так, Отечественная война 1812 года явилась одним из определяющих моментов в поляризации общественных сил в период 1815—1825 гг. Усиление (именно усиление, а не начало) политической реакции правительства, опиравшегося на значительную и влиятельную в вопросах политики массу крепостников-помещиков, явилось одним из следствий бурных событий 1812—1814 гг. С другой стороны, прогрессивная дворянская общественность под влиянием тех же событий вступила на путь борьбы с реакцией, борьбы, которая в дальнейшем привела к образованию в этой среде революционного ядра, т. е. декабристов. Восстание декабристов, бывшее наиболее ярким выражением разложения самодержавно-крепостнической монархии в первой четверти XIX века, явилось первым революционным актом того пер-

² Из писем и показаний декабристов, под ред. А. К. Бороздина, СПб, 1906, стр. 36.

³ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. Редакция и комментарии С. Я. Штрайха, М., 1951, стр. 7.

⁴ Из писем и показаний декабристов, стр. 19.

⁵ Записки декабриста Д. И. Завалишина, СПб, 1906, стр. 103—109.

вого периода русского революционного движения, который В. И. Ленин называет дворянским периодом.

Формирование декабристской идеологии происходило под воздействием многих факторов. Отечественную войну следует рассматривать лишь как изначальный момент этого процесса. Влияние такого постоянно действующего фактора, как революционная традиция, — в данном случае традиция А. Н. Радищева — ни в коем случае не может быть исключено. В. К. Кюхельбекер в своих показаниях следственному комитету писал, что такие произведения «рукописной словесности, как «Вадим» Я. Б. Княжнина и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева переписываются «с жадностью», что «дорожат каждым дерзким словом, которое находят в них»⁶. Другие декабристы тоже свидетельствовали о влиянии на них А. Н. Радищева: например, П. А. Бестужев, В. И. Штейнгель. Читал «Путешествие...» и Н. И. Тургенев.

Но Отечественная война и радищевская традиция были не единственными факторами нарастания революционной активности. Такому нарастанию способствовала и текущая жизнь. В основе этого процесса лежало массовое крестьянское, солдатское и рабочее движение. Оно в сильнейшей степени толкало прогрессивное дворянство на революционную дорогу. В. И. Ленин указывал на тесную связь протеста интеллигенции с борьбой «самых широких масс населения» против крепостного права (это указание им было сделано в отношении революционного протеста В. Г. Белинского)⁷. Декабристы внимательно присматривались к жизни крестьянства, с гневом и болью отмечая невыносимо тяжелое положение закрепощенного народа. К. Ф. Рылеев в «Песне», сочиненной им совместно с А. А. Бестужевым, восклицал: «Долго ль русский народ будет рухлядью господ, и людьми, как скотами, долго ль будут торговать?»⁸. А. И. Якубович в письме Николаю из Петропавловской крепости с негодованием писал о крепостном праве, при котором «нет защиты угнетенному, нет грозы и страха утеснителю»⁹. А. А. Бестужев также в письме Николаю из крепости писал, что «негры на плантациях счастливее многих помещичьих крестьян»¹⁰.

Безвыходное положение крестьянства толкало его на борьбу. После Отечественной войны крестьянское движение приняло особенно широкий размах. В течение пятилетия 1816—1820 гг. число зарегистрированных волнений достигло 87. На этот промежуток времени падает 33% всех крестьянских волнений, происходивших в первой четверти XIX века¹¹. Крупным было движение кре-

⁶ Восстание декабристов. Материалы, т. II, стр. 167.

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 108.

⁸ К. Ф. Рылеев, Полное собрание сочинений, М., 1934, стр. 311.

⁹ Из писем и показаний декабристов, стр. 77.

¹⁰ Там же, стр. 37.

¹¹ И. Игнатович, Крестьянские волнения первой четверти XIX века, «Вопросы истории», № 9, 1950, стр. 49.

стьян на Дону в 1818—1820 гг. Постоянно вспыхивали волнения работных людей. Грозный характер носили выступления военных поселян, положивших в 1817 г. восстанием в области Бугского войска начало борьбе с той новой каторгой, которую изобрели царь вместе с Аракчеевым.

Значительное влияние на будущих декабристов оказывала также внутренняя и внешняя политика правительства Александра. Реакционная ее сущность после Отечественной войны сказывалась с большей определенностью, чем в начале царствования. Будущие декабристы воспринимали ежедневно и ежечасно жестокость, тупость, корыстолюбие, заносчивость крепостнического дворянства и знали меру страданий народа, ограбляемого и унижаемого крепостниками. Они понимали, что политика правительства не только не может смягчить социальные противоречия, но, напротив, укрепляя господство помещичьего класса, содействует их обострению. Понимали они также, что международная политика царя поддерживает власть русских крепостников — таковы были принципы Священного союза, которым неуклонно следовал Александр в своих внешнеполитических отношениях. Тягостные впечатления от всего этого, переживаемые представителями прогрессивной дворянской общественности, содействовали укреплению в них сознания необходимости борьбы с самодержавно-крепостнической монархией.

В 1814 г. летом в Петербург возвратились из Франции войска гвардии. Гвардейские полки, перевозимые морем, были высажены у Ораниенбаума. И. Д. Якушкин находился в числе вернувшихся. Он писал в своих записках, что во время молебствия, происходившего на месте высадки, «полиция нещадно била народ, пытавшийся приблизиться к выстроеному войску. Это произвело на нас первое неблагоприятное впечатление по возвращении в отечество»¹². Полицейский кулак, обрушивающийся на тех, кто в вполне естественном порыве чувства признательности стремился приблизиться к героям Отечественной войны и заграничных походов, явился своеобразным символом самодержавно-крепостнической России. Легко понять, какие горькие чувства пробудила эта картина у И. Д. Якушкина и его друзей, за время пребывания за границей отвыкших от проявлений дикого и грубого произвола, царившего в крепостническом государстве. Это первое впечатление, пережитое гвардейской молодежью при возвращении на родину, глубоко запало в душу тем, кому интересы народа были не совсем чужды.

Вернувшиеся в Россию войска сразу же попали в условия, которые решительно ничем не отличались от павловских. Тогда в полной мере развернулась страсть императора, до тех пор проявляемая им с некоторой сдержанностью — страсть к параду, фронту, к точнейшему соблюдению всех мелочей воинского

¹² Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, М., 1951, стр. 8.

устава. Царский пример заражал других: «шагистика вошла в полную свою силу» — писал Якушкин. Упоенный победой над Наполеоном, готовый приписать ее честь самому себе, Александр перекраивал армию по прусскому образцу, благоговением перед которым он проникся еще с юношеских лет.

Фельдмаршал И. Ф. Паскевич, во вторую половину александровского царствования еще скромный дивизионный генерал, вспоминая об этом времени, говорил, что армию стали обучать не военному, а акробатическому искусству, что забота о красоте фронта заслонила собой все остальное. Многие старые генералы и офицеры поддались общему увлечению и, позорно предав память А. В. Суворова и М. И. Кутузова, стали верными приспешниками А. А. Аракчеева. Среди них были даже такие люди, как М. Б. Барклай де Толли, превратившийся в ревностного сторонника аракчеевской школы. Знаменитый партизан 1812 года Д. В. Давыдов с горькой иронией человека, увидевшего крушение своих идеалов, писал, что глубокое изучение ремешков, правил вытягивания носков, равнения шеренг, выделявания ружейных приемов стало для многих генералов и офицеров источником самых высоких поэтических наслаждений.

Та система обучения войск, которая начала практиковаться во вторую половину александровского царствования, сопровождалась применением крайне жестоких способов обучения. Палка в глазах последователей аракчеевской школы была универсальным и лучшим средством педагогического воздействия. За всю историю русской армии не применялись столь жестокие меры обучения солдат, как в период, следовавший за Отечественной войной. Солдат не просто били, их истязали. О том, до каких размеров доходило применение телесных наказаний, лучше всего свидетельствуют слова командира 6-го корпуса 2-й армии Сабанеева: «В полку от ефрейтора до командира все бьют и убивают людей, и как сказал некто: в русской службе убийца тот, кто сразу умертвит, но кто в два, три года забил человека, тот не в ответе»¹³.

В этой отвратительной системе надругательства над народом первая роль выпала на долю немцев, нашедших в лице Александра радушного хозяина и почитателя. Царь с радостью принимал их на русскую службу и поручал им очень ответственные должности. В первое время царствования Александра пристрастие его к иностранцам, а в особенности к немцам, не проявлялось с столь циничной откровенностью, как после Отечественной войны. Теперь царь не скрывал своего презрения к русским, более того — подчеркивал его. Велико было возмущение всех подлинных патриотов таким поведением Александра. И. Д. Якушкин пишет в своих воспоминаниях: «До слуха всех беспрестанно доходили изречения императора Александра, в которых выража-

¹³ Н. Морозов, Воспитание генерала и офицера, как основа побед и поражений, Вильна, 1909, стр. 100.

лось явное презрение к русским». По словам И. Д. Якушкина, Александр Муравьев в присутствии самого Якушкина, С. П. Трубецкого, М. И. и С. И. Муравьевых-Апостол и Никиты Муравьева впервые заговорил о тайном обществе, как об обществе противодействия находящимся на русской службе немцам¹⁴.

Наряду с возрождением прусских порядков организации армии и распространением палочной дисциплины, широкое недовольство прогрессивного дворянства вызвали военные поселения. В своде декабристских показаний, составленном правителем дел «Комитета для следственных изысканий о злоумышленных обществах» А. Д. Боровковым, говорилось: «Насильственная мера водворения поселений принята была с изумлением и ропотом»¹⁵. Военные поселения не встречали одобрения даже среди очень умеренных по своим политическим убеждениям людей. Только Аракчеев со своими приспешниками продолжал послушно выполнять волю царя, заявившего, что военные поселения будут, хотя бы для этого пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова.

Реакционная политика александровского правительства находила свое выражение в ряде других мероприятий. Широкое недовольство в среде прогрессивного дворянства вызывала реакция в области просвещения. Со времени слияния министерства народного просвещения и ведомства духовных дел и назначения на должность руководителя этого объединенного управления кн. А. Н. Голицына началось жестокое гонение на малейшее выражение свободомыслия. Все культурные центры страны в той или иной степени испытывали его на себе. Наиболее печальную славу гонителей всякой живой мысли, всякого живого слова приобрели попечители учебных округов: Казанского — М. Л. Магницкий и Петербургского — Д. П. Рунич.

Особенно сильное возмущение в кругах передовой дворянской интеллигенции вызвала известная расправа Рунича с профессорами Петербургского университета — А. П. Куницыным, К. И. Арсеньевым, А. И. Галичем, К. Ф. Германом, Э. Раупахом. Когда Куницын в 1821 г. был уволен из университета, а книга его «Право естественное» подверглась запрещению, декабрист Н. И. Тургенев, сблизившийся с Куницыным в 1818 г. и замышлявший издание совместно с ним литературно-политического журнала, писал в письме брату С. И. Тургеневу, что в Петербургском университете не стало лучшего профессора¹⁶. На Куницына, Германа и Галича, лекции которых хорошо запоминались их слушателями, указывали в своих показаниях следственному ко-

¹⁴ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, М., 1951, стр. 11.

¹⁵ Декабристы. Отрывки из источников. Составил Ю. Г. Оксман, М.-Л., 1926, стр. 7.

¹⁶ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, М.-Л., 1936, стр. 274.

митету декабристы И. Г. Бурцев и кн. С. П. Оболенский¹⁷. Арсеньев в своих записках рассказывал, что Рунича и Магницкого «с их сателлитами огласили везде обскурантами, гасильщиками просвещения, а нас величали мучениками за науку и за правду... Вся просвещенная публика принимала живое участие в судьбе нашей»¹⁸.

Расправа с петербургскими профессорами была одним из проявлений реакционной политики правительства Александра I. Реакция обрушилась и на печать. Многие произведения запрещались к печати вовсе, другие искажались и уродовались цензурой. Петербургский цензор А. И. Красовский, снискавший широкую известность в качестве одного из самых тупых и жестоких врагов свободной мысли, запрещал печатать невиннейшие произведения, в которых только его ханжеско-полицейский ум мог найти намеки на пропагандирование мыслей, несогласных с «видами правительства». Таких красовских в изобилии породил голицынский-аракчеевский режим. Хорошо известно отношение к цензуре декабристов и А. С. Пушкина: они более, чем кто-либо другой, испытали на себе ее гнет и прониклись к ней непримиримой ненавистью.

Если ко всему этому прибавить, что в рассматриваемый период чрезвычайно усилился полицейский тайный надзор за каждым, кто мог показаться правительству «подозрительным», что был введен ряд правовых ограничений в отношении крепостного крестьянства и купечества, что внешняя политика александровского правительства определялась жандармскими принципами Священного союза, то картина того, что в своей совокупности получило выразительное название аракчеевщины, будет нарисована до конца.

В такой обстановке происходил процесс формирования декабристской идеологии. Темпы ее созревания находились в прямом отношении к усилению правительственной реакции. Чем более нелепыми и жестокими становились методы управления правительства Александра, тем резче обозначалась линия развития революционной борьбы с этим правительством.

Декабристы хорошо были знакомы с западноевропейской просветительной литературой. Изучая произведения Вольтера, Монтескье, Руссо, Рейналя и других просветителей, они искали в них ответ на многие волновавшие их вопросы. Вдумчиво-критическое отношение к этим произведениям, так же как и к общественно-политической жизни Западной Европы, с которой они непосредственно знакомились во время заграничных походов 1813—1814 гг. и которой они отнюдь не были очарованы, по-

¹⁷ Восстание декабристов. Материалы, т. I, М.-Л., 1925, стр. 226, т. IV, М.-Л., 1927, стр. 43.

¹⁸ П. Пекарский, О жизни и трудах К. И. Арсеньева. Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук, т. IX, СПб., 1872, стр. 35.

могло в известной степени формированию их взглядов. Особенно внимательны были декабристы к революционному движению в Западной Европе, давшему, как известно, сильную вспышку в период европейской реакции, осуществляемой Священным союзом. Декабристы были самыми передовыми людьми России, следившими за ходом развития европейской общественно-политической мысли и европейского революционного движения.

Одной из форм активизации борьбы передового дворянства с усиливающейся реакцией было участие многих его представителей в литературно-общественных и политических объединениях. Участвуя в них, представители передовой дворянской общественности, каждый в меру своих сил и политического сознания, помогали делу борьбы с феодально-крепостнической монархией. Участники таких объединений в своих устных и письменных выступлениях затрагивали многие важные политические вопросы, волновавшие передовую дворянскую общественность. Выступая с разносторонней и иногда острой критикой социально-политического строя, они содействовали формированию революционной идеологии передового русского дворянства, нашедшей себе в рассматриваемое время наиболее яркое выражение в программных и организационных установках декабристских тайных обществ.

В период 1815—1825 гг. в России возникло много литературных, литературно-общественных и политических организаций. Оставляя в стороне те из них, в которых чисто литературные интересы безусловно преобладали, остановимся на объединениях, носящих прямо или косвенно выраженный общественно-политический характер.

В 1815 г. в Петербурге возникло литературное общество «Арзамас», противопоставившее себя основанной А. С. Шишковым несколькими годами раньше «Беседе любителей русского слова». Ряд фактов из деятельности «Арзамаса» показывает, что не литературная борьба против сторонников Шишкова составляла основную задачу арзамасцев. Членами «Арзамаса» были трое будущих декабристов — Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов и Н. М. Муравьев. Тургенев в своей вступительной речи при приеме в «Арзамас» резко протестовал против деспотизма. Протест этот был воспринят арзамасцами сочувственно¹⁹. Орлов, вступая в общество, произнес речь, в которой он апеллировал к патристическому чувству арзамасцев, диктовавшему им необходимость борьбы со всем тем, что препятствует свободе их родины²⁰. Если другие члены «Арзамаса» не отваживались высказывать подобные мысли, то они и не протестовали против них.

Однако большинство арзамасцев не сделало и не могло сделать тех выводов, которые напрашивались сами собой из вы-

¹⁹ Арзамас и арзамасские протоколы. Вводная статья, редакция протоколов и примечания к ним М. С. Боровковой-Майковой. Предисловие Д. Благого, Л., 1935, стр. 193—194.

²⁰ Там же, стр. 209—210.

ступлений Тургенева и Орлова — перейти к активной борьбе с самодержавием и крепостничеством. В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, С. П. Жихарев, Ф. Ф. Вигель, В. Л. Пушкин, А. И. Тургенев и другие члены «Арзамаса» не могли стать политическими борцами: их оппозиция правительству не шла дальше благожелательной критики. Уклонившись от следования призывам Тургенева и Орлова, они должны были либо продолжать высмеивать Шишкова и «беседчиков», либо самоликвидироваться. Но так как тема высмеивания Шишкова была исчерпана до конца, им оставалось второе. Конец содружества должен был ускориться вследствие того, что Тургенев, Орлов и Н. Муравьев вступили на путь активной борьбы и стали членами тайных обществ. «Арзамас» вступил в полосу кризиса и в 1818 г. перестал существовать.

Гораздо больший общественный резонанс по сравнению с «Арзамасом» имела деятельность другого литературного объединения, возникшего в Петербурге почти одновременно с «Арзамасом» — Вольного общества любителей российской словесности. В состав его входили В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, И. А. Крылов, кн. П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич, А. С. Грибоедов и др. С течением времени в него влилась группа литературной молодежи — К. Ф. Рылеев, А. А. и Н. А. Бестужевы, А. О. Корнилович, В. К. Кюхельбекер, Ф. Н. Глинка и другие декабристы. Политическая направленность Вольного общества любителей российской словесности хорошо отражена в издававшемся им журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Во многих публицистических и художественных произведениях, печатавшихся в журнале, содержался протест против деспотизма и крепостного права. В нем помещали свои произведения К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, Ф. Н. Глинка. Через короткое время после основания Вольного общества в нем руководящее положение заняли декабристы, и оно превратилось в легализованный филиал Союза благоденствия. Со времени ликвидации Союза благоденствия Вольное общество, как уже не отвечающее задачам революционной борьбы, начинает приходить в упадок, а после 14 декабря 1825 г. исчезают всякие следы его деятельности²¹.

Другим «вольным обществом», руководимым Союзом благоденствия, было основанное в Петербурге общество «Зеленая лампа». В его состав входили такие видные впоследствии декабристы, как кн. С. П. Трубецкой, А. И. Якубович, Ф. Н. Глинка, А. А. Токарев (рано умерший). Участие в «Зеленой лампе» этих людей придавало ее деятельности ясно выраженный политический характер. В читавшихся на собраниях этого объединения произведениях, принадлежавших его членам, затрагивались

²¹ В. Базанов, Вольное общество любителей российской словесности, Петрозаводск, 1949.

в завуалированной форме такие вопросы, как освобождение крестьян, конституция, распространение просвещения и т. д.²²

В 1827 г. администрация Верх-Исетского завода на Урале обнаружила на заводе воззвание, адресованное «президенту тайного общества ревнителей свободы вице-адмиралу Мордвинову». Воззвание было составлено в 1823 г. Автором его оказался крепостной заводовладельца, писарь заводской конторы и учитель заводской школы — А. Лоцманов. На допросе он показал, что воззвание — плод вымысла. Неудавшаяся его попытка освободиться от крепостной неволи навела его на мысль об Обществе ревнителей свободы. Он поделился своими планами с заводским конторщиком Махотиным и нашел в нем единомышленника. Дальше разговоров об обществе и сочинения воззвания дело не пошло. О воззвании стало известно властям, и Лоцманова постигло заключение в Бобруйской крепости²³.

Попытка организовать тайное политическое общество имела место в Одессе в 1822 г. Купеческий сын В. И. Сукачев, купец М. К. Аристов и коллежский секретарь Г. С. Радулов составили содружество, которое распространяло, как писал производивший в 1826 г. следствие по этому делу гр. М. С. Воронцов, «некоторые свободные мысли». Антикрепостнический и антисамодержавный характер этих мыслей совершенно бесспорен. Все трое членов одесского «общества» были арестованы и после освобождения отданы под надзор полиции²⁴.

Любопытные сведения сообщает Н. И. Пирогов о кружке студентов Московского университета. В 1824 г. он поступил в Московский университет и сразу же попал в компанию студентов (почти все они были из духовного звания), настроенных очень радикально. Запрещенные стихотворения Пушкина и Рыльева постоянно читались и переписывались, раздавались речи о необходимости «положить конец правительству», кое-кто даже говорил о «революции с гильотиной»²⁵. Все эти разговоры, сильно подействовавшие на воображение молодого новичка, не имели никаких реальных последствий. Но что речи о свободе и революции являлись отражением политических настроений, бытовавших в части студенчества, в этом не может возникнуть сомнения.

Нельзя не упомянуть и о нескольких тайных обществах в Польше и Литве, возникших в 1817—1820 годах среди студен-

²² Б. Л. Модзалевский, К истории Зеленой лампы, Сборник «Декабристы и их время», т. I, М., Изд-во Политкаторжан и ссыльнопоселенцев (6 г.).

²³ К. А. Пажитнов, Положение рабочего класса в России, т. I, изд. 2, Л., 1925, стр. 314—315.

²⁴ П. Е. Щеголев, Декабристы, М.-Л., 1926, стр. 119—123. Ю. Г. Оксман, Одесские вольнодумцы Пушкинской поры. «Былое», 1923, № 21, стр. 49—56.

²⁵ Н. И. Пирогов, Сочинения, Вопросы жизни. Дневник старого врача, т. II, Киев, 1910, стр. 234—252.

тов Виленского университета и гимназистов, обучавшихся в гимназиях некоторых польских городов. О характере этих обществ можно судить по прокламации, распространявшейся среди полневежских гимназистов. В ней заключалась такая фраза: «В скором времени в России вспыхнет революция, и мы освободимся от негодного деспотизма». В 1825 г. офицеры Литовского Пионерного батальона К. Г. Игельстром, А. И. Вегелин, чиновник А. М. Гриневицкий и другие лица образовали «Общество военных друзей». Члены этой организации были преданы военному суду и отбывали наказание вместе с декабристами²⁶.

В свете всех этих данных становятся ясными обстоятельства возникновения декабристских тайных обществ. Появление их органически связано с жизнью передовой дворянской (и отчасти разночинской) общественности. Декабристские организации возникли в обстановке нарастающего протеста представителей передового дворянства против самодержавия и крепостничества. Возникновение недекабристских политических обществ в период между 1815—1825 гг. свидетельствовало о тенденции передовой общественности к объединению усилий отдельных людей в их борьбе с самодержавно-крепостнической монархией. Декабристские общества были наиболее ярким и полным выражением этой тенденции.

Наряду с борьбой членов тайных и легальных объединений против самодержавно-крепостнической монархии, борьбой принимавшей формы реализованных или подготовляемых выступлений, имели место и выступления отдельных лиц, не входивших ни в какие объединения. Такие выступления в истории общественного движения в России происходили и в предшествующее рассматриваемому время. Стоит только указать на А. Н. Радищева, не являвшегося членом ни тайной, ни легальной организации. Индивидуальными были выступления Ф. В. Кречетова, В. В. Пассака и других лиц²⁷. Эти люди понесли жестокие наказания за свою смелость. Таким же было выступление Я. Б. Княжнина, трагедия которого «Вадим Новгородский», как наполненная, по словам сенатского постановления, «дерзкими и зловредными против законной самодержавной власти выражениями», подверглась публичному сожжению²⁸. Автор умер до возбуждения дела о его сочинении, но широкое распространение получила и долгое время жила легенда о тяжком наказании,

²⁶ К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819—1823 гг. Издал В. Вержбовский. Варшава, 1898. А. А. Сиверс. Тайное общество военных друзей, «Дела и дни», кн. I, 1920, стр. 239—259.

²⁷ К. Сивков, Общественная мысль и общественные движения в России в конце XVIII века, «Вопросы истории», № 5—6, 1946, стр. 95. М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. I, изд. 2, М., 1951, стр. 160—161.

²⁸ Д. Д. Благой, История русской литературы XVIII века, изд. 2, М., 1951, стр. 397.

постигшем его. Как известно, Пушкин даже в 1822 г. в «Исторических замечаниях» писал: «Княжнин умер под розгами»²⁹.

Со вступлением на престол Александра I борьба отдельных представителей передового дворянства отнюдь не прекратилась. Появлялись сочинения, направленные против самодержавно-крепостнического строя. Они вызывали цензурные преследования. Так, второе издание книги И. П. Пнина «Опыт о просвещении относительно к России» не было разрешено цензурой. Цензура запретила к постановке трагедию Ф. Ф. Иванова «Марфа Посадница», политическая направленность которой приближалась к идеям, вложенным Я. Б. Княжниним в его трагедию. Вовсе не могли быть напечатаны сатирические произведения, в которых в ядовитой и злой форме высмеивались деспотические замашки Александра. Известность приобрели сатиры Д. В. Давыдова, расхвалившиеся во многих списках и заучивавшиеся наизусть. Не могло быть и речи о напечатании свободолюбивых юношеских стихотворений А. С. Пушкина, являвшихся самым ярким в области художественной литературы выражением протеста против самодержавия. Как известно, великому поэту угрожала за них ссылка в Сибирь, замененная после усиленных хлопот друзей ссылкой на юг.

Самоубийство А. Н. Радищева явилось актом борьбы. Оно изобличало лживость и лицемерие тирана, надевшего на себя маску преобразователя. Совсем незадолго до смерти Радищев начал писать «Песнь историческую», в которой он задался целью в стихотворной форме рассказать о борьбе с тиранией. Основная мысль этого произведения выражена в таких словах его: «вождь падет, лицо сменится, но ярем, ярем пребудет»³⁰. Выражением протеста против ярма деспотической власти и явилась смерть Радищева.

Некоторые выступления отдельных лиц, приходившиеся на начало XIX в., влекли за собой серьезные наказания. В Петропавловскую и Шлиссельбургскую крепости попадали многие лица. Исследователь истории царской тюрьмы М. Н. Гернет с сожалением отмечает, что сохранившиеся архивные дела, относящиеся к заключенным в обеих крепостях, не дают возможности судить о том, что инкриминировалось каждому заключенному. Несомненно, среди них были и уголовные преступники. Но так же несомненно, что какая-то часть из них попала в заключение из-за политических выступлений. Об этом убедительно говорят такие, например, факты.

В 1807 г. в Шлиссельбургскую крепость был заточен сын министра народного просвещения гр. А. К. Разумовского — К. А. Разумовский. Отсюда его перевели в Петропавловскую крепость, а в 1808 г., по распоряжению Александра, он был

²⁹ А. Пушкин, Сочинения (одномомик), Л., 1938, стр. 646.

³⁰ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, М.-Л., 1938, стр. 108.

доставлен в тюрьму Спасо-Евфимиевского монастыря, где пробыл до 1822 г. При переводе в монастырь была указана вина Разумовского — «за невоздержанную жизнь и вольные мысли насчет нравственности и религии»³¹. В 1814 г. ворота Шлиссельбургской крепости навсегда закрылись за подпоручиком Калининым, доставленным сюда по распоряжению комитета, который был учрежден 13 января 1807 г. Александром в целях усиления полицейского надзора. В сопроводительном письме говорилось, что комитет постановил Калинина, «как человека опасного и вредного, запереть навсегда в Шлиссельбургскую крепость и содержать под крепким караулом»³². Ротмистр польской службы Игнатий Мощинский в 1820 г. был арестован за написание «пасквиля» на Александра. По распоряжению царя, он, как человек «безнравственный, буйный и безнадежный к исправлению, навсегда отправлен был в Шлиссельбургскую крепость»³³.

Приведенные факты свидетельствуют о нарастании протеста передового русского дворянства против самодержавно-крепостнического строя. Формы этого протеста были различны: от критики существующих порядков в собраниях общественно-литературных объединений, до таких выступлений, которые влекли за собой цензурные преследования и даже лишение свободы. Такие выступления в своей совокупности ослабляли силу самодержавно-крепостнической монархии. Вместе с тем они имели большое агитационно-пропагандистское значение. Хотя правительство всячески стремилось скрыть их, сведения о них проникали в общественные круги и оказывали влияние на передовое дворянство. Все такие выступления подготавливали первую в истории русского освободительного движения попытку революционного переворота — восстание декабристов. В этом и заключается их историческое значение.

*

В таких условиях происходило формирование политической идеологии того человека, которому посвящена настоящая книга. Т. Г. Бок прошел одинаковый со всем русским передовым дворянством путь идейного развития. Он испытал на себе могучее воздействие Отечественной войны. В свете подвига, совершенного русским народом в 1812 г., для него особенно стала ясна тяжесть положения закрепощенных масс. Отвратительной стала ему казаться система насилия и лжи, на которой зиждилась самодержавно-крепостническая монархия, возглавляемая злым и лицемерным царем. Болезненно отозвался он на то надругательство над армией, которое особенно широко распространилось после Отечественной войны. Будучи высококультурным

³¹ М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. I, изд. 2, М., 1951, стр. 235.

³² Там же, стр. 206.

³³ Там же, стр. 208.

человеком и по настоящему любя русскую культуру, он не мог не почувствовать ненависти к системе грубого подавления творческих сил народа. Он живо ощущал гнет деспотизма, тяжело давивший всю страну.

Бок не был членом тайного общества и в движении декабристов участия не принимал. Он не входил ни в какое литературное или общественное объединение. Но он не ограничился критикой существовавших экономических и социально-политических условий в кругу близких и одинаково с ним думавших людей (если только такие около него были). Он, как и некоторые наиболее мужественные представители передового дворянства, вынес свой протест за пределы кабинета, в котором он размышлял о судьбах родины и беседовал на эту тему с друзьями. Он подготовлял выступление перед членами лифляндского ландтага. Он в 1818 г. написал свою Записку, которую собирался огласить в ландтаге. Но он не успел этого сделать: Записка была послана им царю, в результате чего последовало его заключение в крепость. Бок поступил так, как поступали немногие представители передового дворянства: он бросил в лицо самому царю слова сурового и гневного обличения. Это имело гибельные для него последствия, но именно потому выступление Бока и заняло свое место в истории освободительного движения в России. «... Слово тоже есть дело; — учит В. И. Ленин — это положение бесспорное для приложения к истории вообще или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет»³⁴.

³⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 53.

ГЛАВА II

Т. Г. БОК ДО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В КРЕПОСТЬ

Материалы, которыми в настоящее время располагает биограф Бока, задавшийся целью проследить его жизнь до заключения в крепость, крайне немногочисленны. Большею частью это официальные документы, сохранившиеся в архивах военного министерства. Несколько документов отложилось в архивах других ведомств. Из напечатанных источников наибольшую ценность представляет статья Н. П. Лыжина, опубликованная в 1859 г. в «Летописях русской литературы и древности». Статья эта, носящая очень безобидное заглавие — «Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы» (заглавие придумано явно из цензурных соображений), — посвящена в сущности Боку. Она сообщает, хотя и отрывочные, но ценные сведения о некоторых подробностях биографии Бока. Лыжин в заключение своей статьи написал, что данные вошедшие в нее, были ему сообщены сыном Бока³⁵. Совершенно очевидно, что в распоряжении Н. П. Лыжина находился семейный архив Бока, из которого он заимствовал то, что могла пропустить цензура. Для биографии Бока его семейный архив был бы драгоценным и незаменимым источником. Но он до настоящего времени не обнаружен. Поиски его не дали никаких результатов. Поэтому исследователь жизни Бока до заключения его в крепость, т. е. того периода, когда формировались его общественно-политические взгляды, вынужден довольствоваться тем материалом, какой содержится в статье Лыжина, в небольшом числе архивных документов и некоторых печатных изданиях. Вопрос об уже сложившемся общественно-политическом мировоззрении Бока ко времени его полной духовной зрелости решается легче. В распоряжении исследователя имеется Записка Бока, составленная им в 1818 г., в достаточной мере полно отражающая его философские, моральные, правовые и политические взгляды. Анализу этой Записки посвящена следующая глава.

Тимофей Эбергард Георгиевич (Егорович) фон Бок принадлежал к родовитому лифляндскому дворянству. Его предки по-

³⁵ Н. П. Лыжин. Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы, «Летописи русской литературы и древности», издаваемые Николаем Тихонравовым», т. I, отд. I, М., 1859, стр. 77.

селились в Лифляндии в конце XV или начале XVI века, приехав туда из Шлезвига. Фамилия фон Бок была занесена в Лифляндскую родословную книгу³⁶. Отец Бока Георг (Егор) Карл Генрих фон Бок в молодости был военным. Выйдя в отставку, он поселился у себя в имении (он владел унаследованным имением Выйзику и Ару*) и был избран пярнуским уездным предводителем дворянства. Георг Бок заслужил известность своими стараниями в деле восстановления Тартуского университета. Достоин внимания то обстоятельство, что он являлся сторонником сближения либеральных взглядов и русского дворянства. Он притерживался либеральных взглядов на крестьянский вопрос. Известно, что 9 января 1803 г. Александр написал ему письмо, в котором одобрял его планы относительно постепенного улучшения быта крестьян в Лифляндии. Александр выражал уверенность, что освобождение крестьян принесет пользу самим дворянам. Совершенно очевидно, что царь мог написать свое письмо только в ответ на обращение к нему Георга Бока. Такие обращения к Александру, содержавшие всевозможные проекты социально-политических реформ, были обычными в пору «заигрывания» царя с либерализмом. Содержание письма Георга Бока Александру остается неизвестным, поэтому ничего нельзя сказать о том, каковы были предлагаемые им меры. Но что они клонились к освобождению крестьян, явствует из ответного письма Александра. Письмо это — текстом его мы также не располагаем — было передано в лифляндскую ландратскую коллегияу сыном Георга Бока Тимофеем Боком 20 апреля 1818 г., т. е. вскоре после написания им Записки и за месяц до ареста³⁷.

Эти скудные сведения о семье Бока позволяют говорить об общей либеральной атмосфере, окружавшей его детские и юношеские годы.

Т. Г. Бок родился 13 ноября 1787 г. Его воспитание с 4—5 лет было поручено руководству тартуского уроженца Арона Христиана Лерберга — будущего академика и крупного историка. Своего воспитанника Лерберг сумел привязать к себе на всю жизнь. После смерти Лерберга в 1813 г. Бок, отдавая дань любви и уважения к своему воспитателю, начал работать над его биографией.

Педагогические взгляды Лерберга были по тому времени прогрессивными. Он являлся сторонником гуманного воспитания и категорически отрицал всякие физические методы воздействия на воспитываемого. Он говорил, что воспитатель не должен стеснять ребенка, не должен препятствовать проявлению всех

³⁶ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), фонд 1343 — Департамент герольдии Сената, опись № 17, ед. хр. № 4819, «Дело о дворянстве рода Бок. Слушано 25 октября 1860 г.»

* В цитируемой литературе Войзек и Аррогоф.

³⁷ А. Тобин, Лифляндское аграрное законодательство в 19 столетии, т. I, Рига, 1900, стр. 119, 171.

его способностей, он может лишь направлять его общее развитие.

В 1807 г. Академия Наук назначила Лерберга своим адъюнктом, а в 1810 г. он был избран экстраординарным академиком. Более всего Лерберг занимался начальным периодом русской истории, обнаружив интерес к вопросам источниковедения. Бок, как увидим дальше, относился к своему воспитателю с большим уважением, но его источниковедческие разыскания не вызвали в Боке интереса.

Лерберг привил Боку вкус к литературе и искусству. Что рекомендовал он читать своему воспитаннику, кроме Шиллера, на какие культурные явления прошлого и настоящего обращал его внимание, остается неизвестным. Вряд ли только Лерберг знал русскую культуру в такой степени, чтобы приохотить Бока к широкому знакомству с ней. А между тем, как свидетельствует Записка Бока 1818 г., он был хорошо осведомлен именно в русской культуре. Видимо, Бок сам знакомился с произведениями русских писателей, художников, музыкантов (он был страстным любителем музыки, играл на фортепиано и занимался композицией) и проникся к ним подлинной любовью, с такой искренностью выраженной им в Записке 1818 г. Бок, несомненно, был воспитанником русской культуры — об этом с полной убедительностью говорит его Записка. К сожалению, в нашем распоряжении отсутствуют данные, которые могли бы осветить вопрос о том, как откладывались русские впечатления в его сознании и формировали его. Мы ничего не знаем даже о том, где протекали детские и юношеские годы Бока, как часто и надолго ли он ездил из имения отца в Тарту (Дерпт) и в Петербург³⁸.

Вероятно, Бок имел возможность в детские и юношеские годы в имении своего отца видеть, что собой представляла крепостническая эксплуатация. Он должен был хорошо знать о ней и из других источников. Конец XVIII и начало XIX веков в Лифляндии, как и везде в России, были ознаменованы обострением борьбы крестьян с помещиками. Крестьянские волнения в Лифляндии принимали иногда очень ожесточенный характер. В семье Бока не могли не знать о них. Либеральное отношение отца Бока к крестьянскому вопросу вызывало, вероятно, осуждение тех помещиков, которые своей жестокостью доводили крестьян до открытых выступлений и с еще большей жестокостью подавляли их. Трудно себе представить, чтобы в семье Бока проходили мимо тех многочисленных случаев крестьянских волнений, которые приобретали широкую известность по всей Лифляндии.

³⁸ Parrot, Biographische Notizen über A. C. Lehrberg; Б. Гласко, статья о Лерберге в «Русском биографическом словаре» (том Лабзина-Ляшенко).

Атмосфера в Лифляндии была накалена. В 1771 г. происходили крупные волнения в латышской части Лифляндии, граничившей с польской Лифляндией. О характере их можно судить по суровости судебного приговора, вынесенного крестьянам, оказывавшим сопротивление: двое были казнены, часть сослана на каторгу, остальные подверглись телесным наказаниям. Волнения 1771 г. положили начало аграрному движению в Лифляндии, которое с тех пор уже не прекращается вплоть до половины XIX в. В 1776 г. крестьяне Вольмарсгофа подали жалобу проезжавшему через Лифляндию великому князю Павлу Петровичу. Местные власти были так возмущены этим, что обрушили на жалобщиков и тех, кто их поддерживал, жесточайшие репрессии. Пять человек были приговорены к сечению кнутом, тюремному заключению и каторжным работам. Восемнадцать крестьян подверглись телесному наказанию при церкви в присутствии «всех господ помещиков, судей и управителей». Из них пятеро были засечены на смерть.

В 1783 г. в Лифляндии была введена подушная подать, что значительно стесняло свободу передвижения сельского и частью городского населения и увеличивало вотчинную власть помещиков. Это вызвало крестьянские волнения по всей Лифляндии, начавшиеся осенью 1783 г. и достигшие наивысшего подъема летом 1784 г. Только с помощью военной силы движение было подавлено.

В 1802 г. в дворянских вотчинах вблизи города Вольмара произошли серьезные волнения в связи с изданием закона об отмене фуражной повинности, что вызвало увеличение подушной подати. Число участников движения достигло 3 тыс. человек. Властям пришлось прибегнуть к военной силе. Против восставших крестьян были посланы артиллерийские и кавалерийские части. В происшедшем столкновении 11 крестьян было убито и 10 ранено. Восставшие были убеждены, что указ Александра об отмене фуражной повинности возвещает им полную свободу. Добиваясь ее, они и подняли восстание. Среди тех, кто стоял во главе движения, находился вольнонаемный слуга, который, по его собственному признанию, регулярно читает газеты, а потому ему хорошо известно о свободе народа во Франции.

Примечательно, что, когда волнение крестьян Вольмарского уезда было подавлено, Александр указом 4 ноября 1802 г. объявил ландрихтеру барону Унгерн-Штернбергу и военному начальству свое «монаршее благоволение» за меры, принятые против восставших. Это небезинтересный штрих для характеристики «дней alexандровых прекрасного начала»³⁹.

Когда происходили волнения в Вольмарском уезде, Боку было около 15 лет. В этом возрасте он мог вполне отдать себе от-

³⁹ Я. Зутис, Остзейский вопрос в XVIII веке, Рига, 1946, стр. 458, 459, 473, 475, 541, 544; А. Тобин, Лифляндское аграрное законодательство в 19 столетии, т. I, Рига, 1900, стр. 84, 165—167.

чет в их значении. Вряд ли можно сомневаться в том, что они оставили в его сознании след и способствовали развитию в нем ненависти к крепостному праву.

Крестьянский вопрос в Прибалтике, как известно, приобрел чрезвычайную остроту, что заставило правительство Александра приступить к разработке крестьянской реформы в прибалтийских губерниях раньше, чем в других частях империи. 20 февраля 1804 г. было издано «Положение для поселян Лифляндской губернии», несколько улучшавшее условия жизни владельцев земельных наделов, но никак не коснувшееся многочисленного разряда батраков. В 1816—1819 гг. произошло так называемое «освобождение» крестьян в Эстляндии, Курляндии и Лифляндии. Хотя в результате этого «освобождения» прибалтийские крестьяне оказались разорены, тем не менее они юридически стали свободными от крепостной зависимости (власть помещиков над «освобожденными» крестьянами оставалась все же еще очень значительной).

О реформе 1804 г. и о разговорах в помещичьих кругах по поводу дальнейших правительственных мероприятий в отношении крестьянского вопроса Бок, конечно, знал. У нас нет данных судить о том, изучал ли Бок документальный материал, относящийся к положению крестьян, или он ограничился только своими непосредственными наблюдениями. Но его ненависть к крепостному праву и твердое убеждение в необходимости его ликвидации ясно засвидетельствованы им в некоторых его сочинениях — прежде всего в Записке 1818 г.

В дошедших до нас материалах о Боке отсутствует упоминание о человеке, чьи работы по крестьянскому вопросу приобрели широкую известность в Прибалтике. Речь идет о Меркеле. Трудно допустить, чтобы Бок не знал наделавших столько шума сочинений этого автора. Только скудостью имеющегося в нашем распоряжении материала, относящегося к Боку, можно объяснить, что в нем нет указаний на Меркеля. В 1797 г. в Германии на немецком языке вышла его книга «Латыши, преимущественно в Лифляндии, в конце философского столетия. К науке о народах и о человеке». В книге этой Меркель доказывал необходимость освобождения крестьян. Она выдержала несколько изданий и была переведена на другие языки. Среди реакционного дворянства она вызвала резко отрицательное отношение и породила даже антимеркелевскую литературу. Позднее Меркель напечатал еще несколько сочинений, в которых также восставал против крепостного права. Все написанное им содержало в себе очень благонамеренные мысли, он отнюдь не был сторонником революционного разрешения крестьянского вопроса. Тем не менее антикрепостническая направленность их оказала известное влияние на либеральную дворянскую общественность. Вряд ли можно

сомневаться в том, что Бок был знаком с ними и что они сыграли какую-то роль в его взглядах на крестьянский вопрос⁴⁰.

Лыжин утверждает, что отец Бока готовил своего сына к дипломатической карьере, но Бок предпочел военную службу, которую он начал с 17-летнего возраста. О военной службе Бока до нас дошли довольно подробные сведения.

В 1805 г. Бок поступил юнкером в Мариупольский гусарский полк. Участвовал в русско-турецкой войне, отличился при взятии Хотина и получил в 1806 г. чин корнета. С начала 1807 г. находился в войсках, действовавших против французов, и участвовал в нескольких сражениях, за одно из которых был награжден орденом. После заключения Тильзитского мира снова находился на турецком театре военных действий. Переведенный в 1809 г. в л.-гв. Гусарский полк, он принимал участие во многих сражениях и получил золотую саблю с надписью «за храбрость». С августа 1812 г. началось его участие в войне с Наполеоном. Он проделал вместе с русской армией весь путь отступления и контрнаступления вплоть до Парижа, в боях под которыми он участвовал 18 марта 1814 г., т. е. накануне вступления в него русских войск. В Записке 1818 г. Бок говорит, что он участвовал в 60 сражениях. Подавляющее большинство их приходится на 1812—1814 годы. За проявленную храбрость и распорядительность он получил еще три ордена и быстро повышался в чинах: в сентябре 1813 г. он уже был полковником.

В послужном списке Бока его участие в боевых действиях против турок охарактеризовано в таких словах: «... 1810 года мая с 23 по 30 число был употреблен к высочайшим поручениям и оные исполнял в самой точности. 11 и 12 июня при овладении высотой гор, при Хольме лежащих, будучи послан неоднократно в самые опаснейшие места, всегда приказания исполнял в точности и во время жаркой атаки турок ободрял людей и показывал хороший пример, а, наконец, того же года июня 27 числа при разбитии немалочисленной турецкой партии, выездившей в Шумлю для фуражировки, находясь впереди, храбро и мужественно сражался с неприятелем, поражая оного везде с неустранимостью и отличил себя благоразумным распоряжением и расторопностью...»⁴¹.

В воспоминаниях Вольдемара фон Левенштерна — адъютанта М. Б. Баркляя де Толли — рассказывается о таком эпизоде, связанном с боевой деятельностью Бока. В Бородинском бою

⁴⁰ «Гарлиб Меркель и его книга о латышах в XVIII веке», «Русский архив», 1871, стлб. 1009—1124; В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, СПб, 1888, стр. 325—326; Д. Ф. Самарин, Барон Шульц фон Ашераден и доктор Меркель, «Сельское благоустройство», 1858, кн. 5 и особенно 12; Я. Зутис, Очерки по историографии Латвии, ч. I, Рига, 1949, стр. 92—99.

⁴¹ Центральный Государственный Военно-Исторический Архив (ЦГВИА), фонд 29, — Канцелярия военного министерства, оп. № 154, св. 114/61 1815 г., ед. хр. № 1961 «О полковнике Боке».

Левенштерн на одном из участков поля должен был употребить энергичные усилия, чтобы восстановить нарушенный порядок. Бок наблюдал за действиями Левенштерна и так был восхищен ими, что нашел возможным среди суматохи подскочить к Левенштерну и предложить ему свою дружбу. «Он был храбрый малый, — пишет Левенштерн, — который считал себя предназначенным для чего-то необычайного. Эта безумная мысль привела его через несколько лет в Шлиссельбургскую крепость»⁴². В сражении под Бауценом 8 и 9 мая 1813 г. Бок находился при отрядном начальнике и оба дня развозил приказания в самые опасные места⁴³.

В статье Лыжина помещено упоминание о встрече Бока с Гёте, происшедшей при обстоятельствах, связанных с походом русской армии через Германию. Лыжин привел текст стихотворения Гёте, написанного 22 октября 1813 г. и посвященного Боку. В 1870 г. статья Лыжина с некоторыми изменениями и сокращениями была напечатана в газете «Голос» (№ 61). Издатель «Лифляндских прибавлений», выходявших в Лейпциге на немецком языке, Вольдемар фон Бок, воспользовавшись появлением статьи о Боке в «Голосе», напечатал статью о нем в своем издании. В ней он не сообщил ничего нового по сравнению с теми сведениями, какие были приведены Лыжиным, исключая рассказа о том, по какому поводу было написано посвященное Боку стихотворение Гёте. Рассказ этот основан на свидетельстве очевидца — одного из придворных герцога Саксен-Альтенбургского, передававшего в 1866 г. подробности знакомства Бока с Гёте издателю «Лифляндских прибавлений».

В первые дни после Лейпцигской битвы Бок с отрядом казаков находился в Веймаре. Однажды, во время обеда у веймарского герцога, на котором присутствовали Бок и Гёте, в виду герцогского замка показались французы. Бок немедленно приказал двум находившимся при нем казакам седлать лошадей, скакать в отряд и велеть ему прибыть к замку. Тем временем несколько французских всадников показались на площади перед самым замком. Тогда Бок и оба казака ринулись в бой с ними. В пылу стычки один из казаков получил рану. Раненый был перенесен в замок. Бок в сопровождении другого казака ускакал в отряд, привел его и прогнал французов из Веймара. Этот эпизод и был увековечен в стихотворении Гёте. В прозаическом переводе оно таково: «Если говорить честно, то из всего того, что могло случиться, видеть здесь казаков мне хотелось бы менее всего. Но когда мощный священный поток про-

⁴² Woldemar von Löwenstern, *Denkwürdigkeiten eines Livländers*. 1858, S. 217.

⁴³ История л.-гв. Гусарского е. в. полка, 1775—1857, ч. II, СПб, 1859, стр. 114.

рвал плотину, нас загоразживавшую, и меня теснили одна за другой волны, твой казак был мне мил и хорош»⁴⁴.

До нас дошли в отрывках некоторые письма и записки Бока, написанные им за время его службы в армии до 1814 г. Они несколько обогащают скудные сведения о нем, почерпнутые из официальных документов военного министерства. Они позволяют составить представление об интересах Бока, о его отношении к некоторым вопросам внешней и внутренней политики, о его личности. Этот материал беден, случаен, не всегда значителен, но он вполне достоверен и в какой-то мере помогает понять появление того, что явилось главным делом жизни Бока — появление его Записки 1818 г.

Следующий отрывок из письма Бока к сестре, написанный в 1809 г., раскрывает одну из отличительных черт характера Бока — высокое понимание своего нравственного долга. «Будь уверена, милая сестра, что я не принадлежу к числу тех, которые смотрят равнодушно на слезы родных. Напротив, истинную радость и истинное счастье я нахожу только в счастье или несчастье близких моему сердцу, в особенности в твоей судьбе; о себе же и думать не хочу. Часа через два я буду в походе. Не мучь себя, когда меня убьют, но не думай, что я так буду малодушен, чтобы искать смерти: во мне еще живо воспоминание о Лерберге. Будь счастлива»⁴⁵.

Сохранилось письмо Бока Александру по вопросу о заключении мира с Турцией. Оно сообщает некоторые любопытные подробности его военной службы, не вошедшие в его послужной список, и свидетельствует о том, что Бок отнюдь не хотел ограничиться ролью исполнителя начальственных распоряжений. Одного этого письма достаточно, чтобы признать, что Левенштерн был прав, когда писал о Боке, как о человеке, чувствующем в себе присутствие незаурядных сил.

Письмо о мире с Турцией, датированное 27 августа 1810 г., было написано в Петербурге, — видимо, Бок находился там в это время либо в кратковременном отпуску, либо по каким-то служебным делам. Оно начинается с указания на то, что с 1806 г. Бок является свидетелем войны против турок. «К тому же, — пишет он, — некоторые особые поручения дали мне возможность хорошо, я полагаю, узнать этот народ и его политическое состояние». Таинственный намек на «особые поручения» позволяет думать, что Бок имел какое-то отношение и к разведывательной части армии — как иначе он, принимая непрерывно участие в боевых действиях, мог хорошо узнать по-

⁴⁴ Н. П. Лыжин, Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы, «Летописи русской литературы и древности», издаваемые Николаем Тихонравовым», т. I, отд. I, М., 1859, стр. 66; Timotheus Eberhard von Bock und seine Moskovitischen Bewunderer, „Livländische Beiträge...“, herausgegeben von W. von Bock, Neue Folge, B. I, Heft IV, SS. 88—103.

⁴⁵ Н. П. Лыжин, Там же, стр. 64.

литическое состояние Турции? Вооруженный полученными сведениями, он набрался смелости изложить (кому — он не указывает) свои соображения по поводу ведения войны с Турцией. Но его малый чин, как он пишет, явился причиной того, что его не слушали, в то время как факты постоянно подтверждают его правоту.

Бок заверяет Александра, что им руководят самые чистые помыслы. Если даже меньшая часть его утверждений окажется ложной или пристрастной, он готов нести ответственность по всей строгости законов. Он просит не судить о нем по его первому выступлению, он ссылается на свою молодость (в 1810 г. ему было 23 года) и на робость, воспитанную в нем в уединении его детских и юношеских лет.

По мнению Бока, дела на русско-турецком театре войны находятся в опасном положении. Виновником этого он склонен считать никого иного, как самого главнокомандующего гр. Н. М. Каменского (Каменский был назначен на этот пост в феврале 1810 г.). Следует характеристика Каменского, любопытная не столько по своему существу, сколько в силу того, что она исходила от никому неизвестного корнета в его обращении к самому царю. Нужно было обладать большой верой в себя, чтобы писать о главнокомандующем во «всеподданнейшей» записке следующее: Каменский «целиком отдалился от тех принципов, которые принесли ему победу в Финляндии. Он хотел быть выше Суворова, он хотел быть вторым Румянцевым и не стал ни тем, ни другим, так как ему недостает великого искусства, которое только и создает государственных деятелей: искусства видеть людей и управлять ими».

Далее следует рассуждение, которое было бы уместно в докладной записке начальника штаба главнокомандующего, но кажется удивительным в обращении к царю рядового офицера армии, к тому же имеющего еще только первый офицерский чин. Бок заявляет, что отступление русской армии от Шумлы означает проигрыш кампании. Время для нанесения решительного удара по турецким войскам упущено. В войне с турками численность и маневрирование не играют никакой роли. Все зависит от того, чтобы выбрать благоприятный момент и действовать быстро. После января будет возможно предпринять решительное наступление русских войск. Но нужно теперь же оттянуть их от Дуная, оставив за собой лишь некоторые пункты на правом его берегу. Это успокоит врага, сделает его беззащитным и вызовет то, что его военный пыл угаснет. Воспользовавшись этим, надо привести русскую армию, находящуюся в очень плохом состоянии, в полный порядок.

Однако к переговорах о мире следует приступить теперь же. Каменский не может их вести, так как уступчивость после понесенных им неудач была бы истолкована турками как слабость и увеличила бы их дерзость. Открытые мирные переговоры не

приведут ни к чему: интриги европейских дворов, которые всегда найдут возможным узнать о них, все остановят. Абсолютно необходимо, пишет далее Бок, чтобы о переговорах знал только император, султан и третий. Всякое дело, которое проходит через канцелярии, тотчас же бывает предано.

Не может подлежать сомнению, что, говоря о «третьем», Бок имел в виду самого себя. Конечно, это должно было показаться царю корнетской дерзостью, мальчишеской бравадой. Но Бока это не смутило. У него были реальные основания (а не только уверенность в себе) предлагать свое посредничество, если он заканчивал свое обращение таким предложением: «Нижеподписавшийся обязывается под страхом смерти доставить его величеству верные сведения об истинных замыслах Порты, если государь прикажет нижеподписавшемуся отправиться под каким-нибудь предлогом в главную турецкую квартиру, где он имеет важные связи». Можно было переоценить свои возможности, в состоянии дерзкой самоуверенности наговорить лишнего, но выдумывать существование важных связей в турецкой главной квартире было опасно, да, кроме, того, совсем не соответствовало характеру Бока. Очевидно, Бок действительно был как-то связан с разведывательной работой, о которой он так глухо и таинственно намекнул в начале своего письма.

Остается неизвестным, как отнесся Александр к этому обращению Бока. Следов того, что предложение Бока было принято и ему были даны какие-то особые поручения, не сохранилось. Но письмо его не затерялось: оно было присоединено к тем запискам, письмам, обращениям, проектам, которые в изобилии поступали на имя царя и откладывались в его собственной канцелярии. В архиве ее оно сохранилось и до нашего времени ⁴⁶.

Стремление Бока к деятельности, которая выходила бы за пределы выполнения боевых приказаний его начальников, хотя бы с предоставлением ему возможности широко проявить собственную инициативу, было замечено. Видимо, он сумел как-то доказать своему начальству, что тяга его к такого рода деятельности не есть просто проявление его непоседливой натуры, а что она заслуживает серьезного внимания. По крайней мере известно, что в 1813 г. он был отправлен в Англию с каким-то военно-дипломатическим поручением. Как утверждает Лыжин, сообщивший об этом факте, Бок познакомился в Англии со многими известными людьми, в том числе и с Дюмурье, который вел с ним впоследствии переписку. Дюмурье к тому времени доживал свою долгую и чрезвычайно пеструю жизнь в Англии. Что связало Бока с этим бывшим «республиканским» генералом, оказавшимся на поверку убежденным роялистом, вынужденным

⁴⁶ ЦГИАЛ, фонд 1409, Собственная е. и. в. канцелярия, опись № 1 ед. хр. № 516, 1810 г., «Записка Тимофея Бока с предложением своих услуг для заключения мира с Турцией, на французском языке».

бежать из революционной Франции, остается неизвестным — переписки Бока и Дюмурие в нашем распоряжении нет⁴⁷.

По возвращении из Лондона Бок представил гр. П. Х. Витгенштейну записку, которая содержала отчет о его деятельности в Англии. Вероятно, она далеко выходила за пределы простого отчета: Бок коснулся в ней некоторых вопросов большой политики. Он сообщал об отношении английского правительства к России и Франции. Он писал в ней, что Александр «может иметь большое влияние на Англию, как скоро назначит в Лондон искусного посланника и устранил влияние на дела графа Аракчеева»⁴⁸. Нужно было обладать большой смелостью и уверенностью в себе, чтобы пытаться вмешиваться в дела международной политики и рекомендовать царю (Бок не мог не знать, что его записка станет через П. Х. Витгенштейна известна Александру) убрать никого иного, как Аракчеева.

Но этим Бок не ограничился. Летом 1813 г., когда после Бауценского сражения между французской и русско-прусской армиями было заключено военное перемирие, он подал еще одну записку гр. М. Б. Барклаю де Толли, только что перед тем назначенному главнокомандующим вместо Витгенштейна. В ней Бок писал, что мира с Наполеоном, как «нарушителем спокойствия», быть не может. Поэтому война должна продолжаться, и армии пора выходить из бездействия. Но для успешного хода дел необходимо, чтобы командование армией находилось в сильных руках. М. И. Кутузов при Аустерлице, а Витгенштейн и при Люцене и Бауцене доказали, что главнокомандующему нельзя быть слабым. То же самое можно сказать и о самом М. Б. Барклае де Толли: в начале войны 1812 г. он потому и восстановил против себя всех, что действовал несамостоятельно. Не так поступали Гонзалес, Евгений Савойский и А. В. Суворов⁴⁹.

Смелость Бока, обнаруженная им в этом документе, заслуживает быть отмеченной потому, что он ведь был направлен прямо против Александра. Кто как не царь своим присутствием в армии сковывал свободу действий Кутузова под Аустерлицем, Барклая в первые месяцы Отечественной войны и Витгенштейна в 1813 г.? Об этом в русской армии говорили все, и дело, как известно, дошло до того, что в 1812 г. Александр по настоянию самых близких к нему лиц был вынужден покинуть армию. Бок отнюдь не строил себе иллюзий по поводу полководческих способностей царя: как он писал в своей Записке 1818 г., Александр имеет несчастье считать себя военным и только портит все дело, когда вмешивается в ход военных действий. Только

⁴⁷ Н. П. Лыжин, Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы, «Летописи русской литературы и древности», издаваемые Николаем Тихонравовым, т. I, отд. I, М., 1859, стр. 65.

⁴⁸ Н. П. Лыжин, Там же, стр. 65.

⁴⁹ Н. П. Лыжин, указ. соч., стр. 65.

что приведенная записка показывает, что весь вред «высочайшего» самообольщения был ясен Боку уже тогда, когда он обращался к Барклаю в 1813 г.

Бок, повидимому, понимал, чем он рискует, подавая главнокомандующему подобную записку. «Меня пока не повесили, — писал он некоему своему другу, — несмотря на то, что я подал записку, которую вам читал, не изменяя в ней ни слова»⁵⁰. Что касается Барклая, то он, как сообщает Лыжин, не только не обиделся на дерзкого офицера, но даже велел его благодарить.

К 1813 или 1814 году относится отзыв Бока о Барклае, помещенный в одном из его частных писем. Этот отзыв любопытен тем, что в нем Бок говорит и о самом себе, раскрывая несколько новых черточек своего общего мировоззрения. Барклай, пишет Бок, конечно, не Наполеон. Но он умеет своей стойкостью в сражении свести на нет преимущества противника. Бок хвалит дисциплину и порядок, установившиеся в армии после назначения Барклая, и в виде доказательства ссылается на то, что жители Германии не могут нахвалиться поведением русских солдат. Одно только плохо, с точки зрения Бока: в главной русской квартире не слышно никакого другого языка, кроме немецкого. Пристрастие к немцам решительно неуместно в главнокомандующем русской армии. П. Н. Румянцева и М. И. Кутузова также постоянно окружали немцы и лифляндцы, но оба главнокомандующие не были пристрастны к ним, Барклай же — напротив. Уж если допускать пристрастие, то только к большинству нации, т. е. к русским. Вот почему Бок не хочет оставаться в главной квартире. Он гордится тем, что его предками были древние рыцари, но «как гражданин, — пишет он, предвосхищая то, что в гораздо более пространной форме было им сказано в Записке 1818 г., — я никогда не буду ничем другим, как самым закоренелым русским»⁵¹.

После окончания войны с Наполеоном Бок решил расстаться с военной службой. 4 августа 1814 г. он обратился к военному министру с рапортом, в котором просил представить Александру прошение об увольнении его от военной службы. Рапорт был написан в Риге, где Бок находился в отпуску. Мотивировал он свое желание уйти в отставку необходимостью заняться домашними делами. Прошение долго пролежало в военном министерстве без всякого движения. Тем временем произошла высадка Наполеона во Францию, что заставило Бока самого немедленно отправиться в армию. После «ста дней» его прошение было доложено Александру вместе с рапортом Барклая, в котором тот, давая Боку лестную характеристику и выражая желание «иметь его при армии», просил царя назначить Бока в какой-либо легкий кавалерийский полк. 17 июня 1815 г. последовала

⁵⁰ Н. П. Лыжин, указ. соч., стр. 65—66.

⁵¹ Н. П. Лыжин, указ. соч., стр. 69.

резолюция Александра о переводе Бока в Изюмский гусарский полк⁵².

Но в новом полку Бок был недолгое время. О его службе в нем никаких сведений не сохранилось. 27 декабря 1815 г. он отправил из Белостока письмо Александру (на французском языке), в котором просил не об отставке, а о разрешении путешествовать, чтобы восполнить свое образование и закончить труды, прерванные военной службой. Бок очень деликатно напоминал о том, что обещание позволить путешествовать ему уже было дано царем. На письме имеется резолюция: «высочайше повелено уволить в отставку по положению, а к нему от меня написать, что, бывши в службе, нельзя иметь отпуска для путешествия. 25 февраля 1816 г.» 17 марта 1816 г. Бок был уволен в отставку⁵³.

В прошении Александру Бок объяснял свое стремление выйти в отставку желанием заняться «домашними делами». Лыжин приписывает решение Бока расстаться с военной службой несчастной любви, которая довела его до отчаяния (вероятно, эта версия бытовала в семейных преданиях и была сообщена Лыжину сыном Бока). В действительности ни то, ни другое не было причиной настойчивости Бока, с которой он добивался отставки. «Домашние дела» его были несложны: крестьянами он не владел*, средства его были ограничены — они состояли лишь в деньгах, получаемых в виде дохода с имения его деда, которое находилось в судебном управлении и могло, по завещанию деда Бока, стать собственностью рода Боков только в четвертом поколении, т. е. перейти в собственность правнуков завещателя, которых пока еще не существовало. Мотив «домашних дел» был явно придуман Боком. Не кажется правдоподобной и версия несчастной любви: слишком деятельной была натура Бока, чтобы он мог под влиянием личного горя (если только он действительно его испытывал) решить отказаться от всякой деятельности, ибо после отставки ему ничего не оставалось делать.

Причина желания Бока уйти в отставку раскрывается в одном из написанных им документов, относящемся к 1814 или 1815 годам. Этот документ напечатан Лыжиным без указания даты и не в подлиннике, а в переводе на русский язык; кроме того, он напечатан, как кажется, не полностью. Лыжин назвал его запиской, поданной «лицу высоко стоявшему». Кто мог быть этим «высоко стоявшим» лицом? Повидимому — сам Александр. Сравнение записки с письмом Бока Александру из Белостока наводит на мысль, что записка была адресована царю.

⁵² ЦГВИА, фонд 29, оп. № 154, св. 114/61 1815 г., ед. хр. № 1961.

⁵³ ЦГВИА, фонд 29, оп. № 154, св. 155, ед. хр. № 36.

* В послужном списке Бока, составленном в 1815 г. говорилось о нем так: «Из лифляндских дворян, крестьян не имеет» (ЦГВИА, фонд 29, оп. № 154, св. 114/61, 1815 г., ед. хр. № 1961).

Текст записки Бока, напечатанный Лыжиным, очень невелик по объему, но она значительна по содержанию. Бок пишет, что события последнего времени (очевидно, подразумевая войны 1812—1814 гг.) оставили у всех неизгладимое впечатление и «возбудили во многих чувства высокой нравственности». Далее раскрывается смысл этого утверждения. Чувство высокой нравственности — это ощущение социальной несправедливости и желание с ней бороться. В самом деле, что иное, кроме указания на необходимость выполнения гражданского долга, заключалось в такой сентенции: человек, который, видя родину в несчастном положении, принес в жертву свою молодость и сотню раз рисковал жизнью для достижения великой цели, не сможет найти удовлетворения в своем существовании, пока «правый часто угнетен, невинный часто преследуется». Иными словами: Бок много раз подвергал опасности свою жизнь во время борьбы с Наполеоном; борьба эта закончилась успехом, и угроза потери родиной независимости отражена; но он не может чувствовать удовлетворения, так как внутренние неполадки, существующие в России, остаются все теми же; из них самая важная — отсутствие законности в управлении государством.

«В искоренении этих зол — цель моей жизни», — пишет далее Бок. Он всегда стремился и будет стремиться к этой цели, заявляет он. Какой же способ исправления существующего зла кажется ему наилучшим?

Дело, по мнению Бока, не в Александре. Все дело в помощниках царя, на них падает вина во всех неурядицах в России. Считая себя достойным роли одного из тех помощников царя, в которых нуждается страна, и имея уже некоторую программу действия, Бок предлагает себя в качестве такого помощника. Он считал бы себя «счастливейшим из смертных», если бы царь ему позволил, «изучив постановления народов иностранных, объездить Россию с той же целью». Надо полагать, что здесь Бок имел в виду не кабинетное знакомство с русским законодательным материалом — для этого не было нужды объезжать Россию. Вероятно и под изучением «постановлений народов иностранных» Бок подразумевал не чтение юридических памятников прошлого и настоящего европейских государств, а знакомство с административной практикой, экономической политикой, системой просвещения, существовавшими в этих государствах.

Говоря о предполагаемом объезде России, Бок набрасывает программу изучения политической, экономической и культурной жизни ее. Он пишет, что постарался бы познакомиться с административной практикой на месте, «открыть источники промышленности», выяснить возможности развития природных богатств, установить влияние действующего законодательства «на нравы», изучить постановку дела народного образования. В конце за-

писки Бок пишет: «Не знаю, во сколько удался бы мне труд мой. Отвечаю только головой за первое незаконное действие, в котором меня изобличат»⁵⁴.

Записка Бока свидетельствует о большом влиянии войн с Наполеоном на формирование идеологии людей, подобных Боку. Она прямо указывает на то, что политическое значение победы России над Наполеоном особенно оттеняло губительное воздействие самодержавно-крепостнического строя на политическое, экономическое и культурное развитие страны. Социальная несправедливость — «правый часто угнетен, невинный часто преследуется» — в свете подвига, совершенного народом, остро ощущалась передовым дворянством (об этом, как известно, говорили декабристы). Испытал на себе воздействие этого формирующего политическое сознание фактора и Бок. Он еще верит в то, что устранить не только социальную несправедливость, но и другое зло, порожаемое самодержавно-крепостническим строем, может добрая воля царя. Придет время, и Бок окончательно разуверится в этом. Теперь же, еще не потеряв веры в самодержца, он предлагает осуществить реформы, намеченные им в самых общих чертах и очень умеренные по содержанию, под верховным руководством Александра. Как будет видно из дальнейшего, через два-три года Бок расстанется со всякими иллюзиями по поводу царя и выступит с проектом коренного преобразования социально-политического строя России.

Записка Бока реальных последствий не имела, и он продолжал оставаться на военной службе. Тогда-то он написал царю письмо с просьбой отпустить его путешествовать, в результате которого последовала его отставка. Судя по письму Бока, знакомство его с царем состоялось в 1815 г. Александр, вероятно, обратил внимание на гусарского офицера, не раз уже выступавшего со смелыми предложениями, и пожелал с ним познакомиться. Лыжин утверждает, что Александр часто приглашал Бока к себе. Нет возможности судить о том, насколько это верно. Вряд ли только встречи происходили часто: судя по тому, как отзывался о царе Бок в Записке 1818 г. и как характеризовал Александр Бока, личное знакомство ни тому, ни другому особой радости не доставило, и никаких дружеских связей между ними не завязалось. Об отношении Бока к Александру будет речь в следующей главе. Что же касается отношения царя к Боку, то о нем можно судить по такому эпизоду, рассказанному А. И. Михайловским-Данилевским.

Во время пребывания в Риге (в 1816 г., а не в 1818 г., как ошибочно датирует или сам А. И. Михайловский-Данилевский, или опубликовавший его воспоминания Н. К. Шильдер) Александр был приглашен на обед, устроенный дворянством. Царя сопровождал А. И. Михайловский-Данилевский. «Мне случи-

⁵⁴ Н. П. Лыжин, указ. соч., стр. 66—67.

лось, — вспоминает он, — сидеть рядом с полковником Боком, который года через два потом был посажен в Шлиссельбургскую крепость за проект конституционного правления, представленный им государю. Но, вероятно, и тогда уже император был предупрежден о либеральном образе мыслей Бока, ибо после стола его величество, подойдя ко мне, сказал вполголоса: «Ты сидел подле большого говоруна»⁵⁵.

В годы 1815—1817 происходит сближение Бока с В. А. Жуковским. Лыжин сообщает, что Бок встречался с Жуковским в Петербурге. Но в 1816 и 1817 гг. Жуковский почти безвыездно жил в Тарту (Дерпте), куда часто наезжал после своей отставки Бок. Вероятно, большая часть встреч их происходила именно в Тарту. Познакомились они раньше, но дружеские отношения между ними установились в последние два-три года перед заключением Бока в Шлиссельбургскую крепость.

О дружбе Бока с Жуковским свидетельствуют прежде всего три стихотворения поэта, посвященные Боку. Они не очень значительны по содержанию, но с полной определенностью говорят о любви Жуковского к своему новому другу (все три стихотворения написаны в 1815 г.). Два из них — шуточные послания, написанные в мягко-юмористической манере, столь свойственной Жуковскому, когда он хотел шутить, третье — «Мой друг, в тот час, когда луна взойдет над русским станом» — содержит предложение Боку прочесть в кругу его соратников перед боем «Певца во стане русских воинов». Оно, очевидно, было послано Боку в то время, когда он находился в армии, прервав свой отпуск при получении известий о начале военных действий⁵⁶.

Еще убедительнее говорит о дружеских чувствах Жуковского к Боку то, что Бок был одним из тех избранных, которым Жуковский подарил три тетрадки своих стихотворений, напечатанных в 1818 г. в Москве с грифом «Для немногих». На одной из них имеется надпись: «Другу Боку. 1818. Генваря 29», на другой Жуковский написал просто: «Боку». На этой тетрадке рукою Бока написано: «Для многих. Ici aujourd'hui Timothée». Кроме того, Жуковский подарил Боку приготовленное к печати третье издание «Певца во стане русских воинов», на титульной странице которого напечатано: «Timothée de Bock», а на последней странице помещен автограф стихотворения «Мой друг, в тот час, когда луна взойдет над русским станом»^{*}.

До нас дошло письмо Жуковского Боку, датированное 18 февраля 1818 г., т. е. совсем незадолго до случившейся с

⁵⁵ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского, «Русская старина», № 11, 1897, стр. 333.

⁵⁶ В. А. Жуковский, Сочинения, изд. седьмое, под редакцией П. А. Ефремова, т. 1, СПб, 1878, стр. 472—474.

* Эти четыре издания находятся в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В «Отчете Публичной Библиотеки за 1859 г.» (СПб, 1860) сказано, что они получены в 1859 г. Библиотекой от капитана 2-го ранга Е. Т. Бока (сына Т. Г. Бока).

Боком катастрофы. Письмо говорит о сердечности отношений между этими людьми. «Душа везде и во всякое время тебе откликнется», писал в нем Жуковский. В письме обнаруживается интересная подробность: Бок был не только пианистом, но и композитором. Дружеские отношения установились между Боком и А. А. Воейковой, муж которой А. Ф. Воейков был в 1814 г. назначен в Тартуский университет профессором русского языка и литературы⁵⁷.

Живя в Тарту, Жуковский слушал лекции Густава Эверса по средневековью, которые тот читал в университете. Этими лекциями интересовался Бок. В бумагах Бока сохранились записи четырех лекций Эверса, написанные на немецком и на русском языках. В цитируемых Лыжиным отрывках из записей Бока пересказываются мысли Эверса о причинах падения Римской империи, о христианской религии, о средневековом рыцарстве, о том, что следует подразумевать под понятием варварства и т. д. Характер записей Бока и далеко не полный текст их в дошедшем до нас источнике не дают никакой возможности судить об отношении Бока к изучавшемуся им материалу. Но внимание Бока к историческим вопросам и, в частности, к европейскому средневековью, устанавливается с полной определенностью, что дополняет наше представление о круге интересов этого человека⁵⁸.

К 1816—1817 гг. относятся еще два сообщаемые Лыжиным документа, характеризующие идейную направленность Бока. Первый — письмо к некоему, как говорит Лыжин, другу Бока. Об этом письме у Лыжина сказано буквально следующее: в нем «идет речь о предстоявшем увольнении крестьян в прибалтийских провинциях, которое, по мнению Бока, следовало бы тогда же распространить на всю Россию». Требование уничтожения крепостного права, заявленное в письме Бока, войдет, как будет видно из дальнейшего, в его Записку 1818 г.

Второй документ сообщен Лыжиным в более пространном изложении. Это — биография Лерберга, составлением которой Бок занимался в деревенском уединении. Труд Бока выходил за рамки обычной биографии. Бок коснулся в нем многих вопросов, имеющих общеполитическое значение и к Лербергу относившихся очень отдаленным образом. Лыжин утверждает, что Бок высказался в пользу освобождения крестьян и создания среднего сословия. Говорил Бок и о реформе суда, о распространении образования, о некоторых экономических мероприя-

⁵⁷ В. А. Жуковский, Сочинения, изд. седьмое, под редакцией П. А. Ефремова, т. 6, СПб, 1878, стр. 443—444; П. А. Плетнев, О жизни и сочинениях В. А. Жуковского, СПб, 1853; П. Загарин, В. А. Жуковский и его произведения, М. 1883; Е. В. Петухов, В. А. Жуковский в Дерпте, Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академий Наук, т. 65, СПб, 1889; Н. П. Лыжин, указ. соч., стр. 68.

⁵⁸ Н. П. Лыжин, указ. соч., стр. 71—74.

тиях. Из числа последних Лыжин называет строительство коммерческого флота (он, по мнению Бока, более необходим, чем военный) и продуманную систему протекционизма. Эта система должна обеспечивать «неприкосновенность лиц» и быть направленной к поощрению «дельных» предприятий. Элементы при- нуждения должны в ней отсутствовать⁵⁹.

Приходится пожалеть, что труд Бока до нас не дошел. Скупое изложение его Лыжиным в слабой степени отражает мысли Бока. Оно в сущности только перечисляет вопросы, затронутые им. Знакомство с текстом работы Бока позволило бы выяснить его взгляды на целый комплекс социально-экономических вопросов, лишь бегло или даже вовсе не затронутых в его Записке 1818 г.

Переходя к изложению того, что в труде Бока относилось непосредственно к Лербергу, Лыжин приводит довольно длинную цитату, представляющую интерес для исследователя общественно-политических взглядов Бока. Из нее становится ясным, какие требования предъявлял Бок к историку, занимающемуся историей России. Он обвиняет Лерберга в том, что тот спрятался за своими хрониками от насущных вопросов, нуждающихся в разработке в первую очередь, подобно императору Диоклетиану, искавшему в огороде возможности укрыться от требований и беспокойств реальной жизни. Эта мысль сближает Бока с декабристами. Для Бока, как и для декабристов, прошлое и настоящее связывается в единый и неразрывный комплекс. Бок, как и декабристы, видел в историческом материале не предмет кабинетного изучения, а источник познания и осмысления настоящего. История не уводила его, как и декабристов, от действительности, а приближала к ней.

Это положение вытекает из перечисления Боком тех задач, которые должен был бы поставить Лерберг перед собой вместо того, чтобы заниматься хрониками. Лербергу следовало бы «на основании прошлого России» «определить начала внутреннего управления нашего государства и убедить нас, что наше счастье и несчастье зависит в будущем от нас одних». Иными словами, историк должен заниматься не историей царей и правителей, а историей народа, которая складывается или по крайней мере должна складываться независимо от воли царей или правителей. «Народ должен развиваться по обдуманному пути», — пишет Бок далее, — т. е. опять-таки воля главы верховной власти не может быть определяющим моментом в жизни народа. Жизнь народа должна регулироваться «твердым планом», — пишет Бок. Наконец, необходимо распространить образование и способствовать развитию среднего сословия и дворянства, без чего не может улучшиться и положение крестьян. «Вот истины, которые надлежало бы Лербергу

⁵⁹ Н. П. Лыжин, указ. соч., стр. 74.

распространить и укоренить между нами» — так заключает Бок это свое рассуждение.

Чем это не программа политических реформ? Историк, следовательно, нужно заниматься тем, чтобы в истории страны искать опоры для решения политических задач настоящего момента. Историк должен быть политическим деятелем. Исторические задачи становятся политическими, а политика должна опираться на историю. Так создается в мировоззрении Бока органическое единство истории и политики, так история входит в текущую жизнь, а текущая жизнь не отрывается от истории.

Но этим требования, предъявляемые Боком Лербергу, не ограничиваются. Лерберг должен был объяснить, что мир в Европе восстановится только тогда, когда «соединятся между собой народы, у которых одни интересы и один язык» (быть может, Бок имел здесь в виду отдельные объединения славянских, романских и германских народов). Лербергу следовало бы указать «на могущественный юный народ, который в будущем благовоспитан род человеческий, дабы больной Запад стал подражать этому младенчески беспорочному народу». Эти суждения Бока насквозь публицистичны. Политически насыщенная мысль бьется в них, обнаруживая в Боке человека, историческая концепция которого близко напоминает декабристскую⁶⁰.

Незадолго до ареста Бока в его жизни произошло событие, значение которого выходит за пределы лично-биографического факта. Он женился на эстонской крестьянке — своей бывшей горничной Еве. Этот брак наделал много шума в кругах лифляндского дворянства и вызвал резко отрицательное к себе отношение. Надо было обладать мужеством, чтобы не обратить на это внимания и поступить так, как подсказывали Боку его убеждения. В приведенном Лыжиным отрывке из письма Бока к неизвестному лицу раскрываются мотивы, заставившие его решиться на такой шаг, как женитьба на крестьянке. «Словохотливость людей, — пишет он, — давно донесла, конечно, и до тебя весть о том, что я женился. Пока не скажу об этом ни слова, так как одно время покажет, будет ли счастливо мое супружество. Но чтобы утешить тебя, замечу только, что я женился на женщине, которую нельзя не уважать. Недостаточность ее рождения не вредит мне в глазах государя. Я выбрал себе подругу не по внушению слепой страсти, а согласно плану, который составил себе для жизни, не обращая внимания на то, что скажет свет. Вера и самостоятельность — тяжелый лозунг, коему я посвятил всю жизнь свою»⁶¹.

Бок нашел в своей жене друга и единомышленника. Дошедшие до нас факты свидетельствуют о взаимной их привязанности. Когда Бок в 1827 г. после девятилетнего одиночного за-

⁶⁰ Н. П. Лыжин, указ. соч., стр. 75.

⁶¹ Там же, стр. 74.

ключения в крепости вернулся в Выйзику потерявшим рассудок, его жена неусыпно и самоотверженно за ним ухаживала. Этим она сумела добиться уважения со стороны местного дворянства, которое раньше относилось к ней, крестьянке, с нескрываемым презрением⁶².

*

Приведенные данные позволяют сделать некоторые выводы. Ко времени написания Боком Записки 1818 г. его характер сложился вполне. Перед нами твердый в своих убеждениях, прямой, независимый человек. Высокое сознание долга составляет одно из примечательнейших свойств его характера. Честность перед самим собой — качество, которое отличает Бока уже в молодом возрасте. Как будет видно из дальнейшего, это качество не исчезло, напротив, высокая требовательность к себе стала одним из руководящих принципов его жизни.

Энергия и стремление к активной деятельности могут быть также отмечены, как отличительные свойства характера Бока. Он не склонен к созерцательной жизни, он обуреваем жаждой деятельности, к которой могут быть приложены его недюжинные способности. Он ощущает их присутствие в себе с полной ясностью. Он, как П. Я. Чаадаев, «с тоской влачит оковы службы царской». Ему нечего делать в армии, руководимой Александром и Аракчеевым. Его тянет к широким просторам. Горячее участие к судьбам родины, любовь и уважение к ее народу, всю тяжесть положения которого он ясно видит, вызывают у него стремление по-настоящему служить родине. А вместо этого он должен быть послушным исполнителем приказаний своего начальства, после войн 1812—1814 гг. окончательно забывшего славные суворовские и кутузовские традиции и уводившего армию к мрачным временам павловского лихолетия. Отечественная война и победа над Наполеоном заставили Бока на многое взглянуть иными глазами. Эти события для него, как и для многих прогрессивно настроенных дворян, явились вехой в развитии его общественно-политических взглядов.

Трагедия, переживаемая Боком, была обычной трагедией прогрессивной дворянской интеллигенции декабристской эпохи. Лучшие представители ее не находили в условиях самодержавно-крепостнической монархии применения своим силам. Крепостное право и полицейско-бюрократический режим убивали все живое в стране. «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа», — писал В. И. Ленин⁶³. Людям, подобным Боку, приходилось либо мириться с этим и превращаться в простых

⁶² Wagien, Baltische Studien und Erinnerungen von Dr. Bertram, Dorpat, 1868, SS. 41—50.

⁶³ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 294—295.

обывателей, либо становиться на путь борьбы. Путь этот был очень сложен и труден и далеко не всех приводил к сознанию необходимости революционной борьбы.

Круг интересов Бока обширен. Его по праву можно причислить к разряду наиболее образованной передовой дворянской интеллигенции эпохи. Бок внимательно следит за внутривнутриполитической жизнью страны и за событиями внешней политики. Он осведомлен в вопросах экономики, законодательства, народного просвещения. Он хорошо знает художественную литературу и близок к искусству (особенно широко раскрывается это в его Записке 1818 г.). Его интересуют вопросы истории и права. Он близок ко многим выдающимся людям своего времени.

Твердость нравственных принципов Бока, независимость его убеждений, личное и гражданское мужество, любовь к родине обостряли его внимание к жизни народа. В сферу его внимания входила жизнь крестьян, всю тяжесть положения которых он начал понимать, видимо, в очень раннем возрасте. Не могли пройти мимо него и крестьянские волнения, о которых он знал из первоисточников. Народные волнения были важнейшим фактором формирования общественно-политических взглядов всей русской интеллигенции. Антикрепостническое движение народных масс оказывало, несомненно, свое воздействие и на Бока. В нем все сильнее пробуждался протест против самодержавно-крепостнического строя. Все чаще приходит ему в голову мысль о необходимости социально-политических реформ. В его сознании складывается даже некоторая, вначале еще очень суммарная, программа их.

Годы 1815—1817 в жизни Бока занимают особое место. В этот период времени окончательно вырабатывается его программа. Он приходит к решению изложить выношенные им мысли в обширной Записке и послать ее Александру. Составление Записки 1818 г. и отсылка ее царю — важнейшее событие его жизни. В этом документе он как бы подводит итоги своим наблюдениям, накопленным за всю его жизнь, и раскрывает самого себя до конца.

Записка представляет собой немаловажное общественное явление. В ней полностью раскрывается политическая идеология той части прогрессивной дворянской интеллигенции, к которой принадлежал Бок. Записка — документ, насыщенный общественно-политическим содержанием и являющийся программой этой социальной группы. Именно поэтому она представляет значительный интерес для истории общественно-политической мысли в России в период нарастания революционного кризиса в стране, выражением которого явилось восстание декабристов.

ГЛАВА III

ЗАПИСКА Т. Г. БОКА 1818 ГОДА

Над составлением Записки Бок работал, вероятно, в течение 1817 и первых месяцев 1818 г.: черновик ее датирован 22 марта 1818 г. Он предполагал огласить Записку в лифляндском ландтаге, являвшемся высшим органом самоуправления в Лифляндии и вместе с тем сословной организацией дворянства. Прежде этого прочтения он отослал Записку Александру, не изменяя в ней, как кажется, ни одного слова.

Мы располагаем только черновым автографом Записки, хранящимся в Центральном Историческом архиве в Москве, в фонде 1-й экспедиции III отделения (ед. хр. № 212, 1841 г.). В деле имеются два автографа Записки — на немецком и французском языках, из которых немецкая рукопись является первоначальным текстом, французская же — ее авторизованным переводом. В основу анализа Записки, составляющего содержание настоящей главы, положен французский текст Записки, так как именно французская рукопись была отослана Александру. Беловой текст, полученный Александром, не разыскан*.

Записка Бока распадается на две части. Вторая часть включает в себе подробно разработанный проект конституции. Этот проект имеет вполне законченную внешнюю форму. Он разбит на статьи (числом 52), лаконично сформулированные. Лаконичность формулировок заставляет предполагать, что они явились результатом длительного и тщательного обдумывания Бокон его конструктивной программы, быть может, даже нашедшего себе выражение в предварительных набросках ее (они до нас не дошли, но допустить их существование возможно). Кроме того, порядок следования статей конституции подчинен более или менее определенному плану: Бок идет от общего и, с его точки зрения, главного к частному и второстепенному.

* Повидимому, В. И. Семевский имел в своем распоряжении беловой текст Записки Бока (см. его «Политические и общественные идеи декабристов», СПб, 1909, стр. 63—65). Черновик Записки Бока был с некоторыми сокращениями опубликован автором настоящей работы в издании «Декабристы и их время. Материалы и сообщения». Под редакцией М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. Издательство Академии Наук СССР. М.-Л., 1951, стр. 189—203.

Иное впечатление создается от чтения первой части Записки. Она, гораздо более значительная по объему в сравнении со второй частью, по существу представляет собой очень развернутое введение к проекту конституции. В ней Бок стремится обосновать необходимость введения в России конституционного образа правления. В этой части Бок гораздо менее лаконичен и последователен, чем во второй. Введение — это не систематическое развитие одной или нескольких идей, положенных в основание всего его проекта. Это скорее речь взволнованного человека, не столько заботящегося о логике и последовательности, сколько старающегося передать своим слушателям волнующие его чувства. Мысли теснятся в голове Бока, обгоняя одна другую и оставаясь иногда совсем неразвитыми. Он настолько полон гнева и возмущения, что явно не владеет собой: он допускает повторения, говорит иногда намеками, перемежает свою речь отступлениями, бросает одну мысль, когда его вниманием завладевает другая. Многие в этой части Записки недосказано, многое не так легко, а кое-что и просто невозможно понять.

Но несмотря на это, Записка в целом написана столь ярко и искренне, так насыщена конкретным материалом, заключает в себе так много позитивных высказываний, что она дает возможность составить представление об общем политическом мировоззрении Бока, сложившемся у него ко времени ее написания, гораздо более полное и отчетливое, чем все другие ранее рассмотренные его работы. Некоторые подробности, относящиеся к общему политическому мировоззрению Бока, приходится выяснять на основании как тех косвенных указаний, которые дает сама Записка, так и того, что было написано им раньше.

Общее философское мировоззрение Бока может быть определено, как идеалистическое. Для него бог — единственный источник материальных и духовных процессов, совершающихся в мире. Он не пытается даже поставить вопрос о законах, управляющих жизнью природы и людей. В его сочинении нет намека на стремление установить какую-либо закономерность жизненных процессов. Бог, в его представлении, — единственная изначальная их причина. Сочинение Бока не дает оснований для того, чтобы установить в его мировоззрении какие бы то ни было элементы материализма. Его Записка с этой точки зрения не вносит ничего нового по сравнению с тем, что было им высказано в его более ранних произведениях.

Религиозная основа мировоззрения Бока находит себе выражение в отдельных высказываниях его, встречающихся во вводной и заключительной частях его Записки. Он полагает, что «любовь, истина и бог» являются единственным вечным принципом. Человеческая воля детерминирована божественным провидением и потому проявления ее «бесконечно случайны». Люди должны относиться к религии с величайшим благоговением и не делать из нее орудия своих земных страстей. Когда церковь

провозглашает догмат о божественном происхождении монархической власти, она попирает заповеди религии. «Религия непререкаема, — говорит Бок, — и не может явиться результатом договора». Иными словами, религиозные догматы имеют характер вечных и абсолютных истин. Недопустим произвол в их толковании, они не могут быть приспособлены к людским страстям и нуждам, приспособлены к политике. Напротив, религиозные догматы в их непререкаемой, не могущей быть измененной по воле людей сущности должны быть руководящим началом в жизненной деятельности людей.

Святость религии в представлении Бока настолько высока, что он отрицает всякое иное отношение к священному писанию, кроме чисто религиозного. Нельзя подходить к библии и к евангелию иначе, чем с сознанием, очищенным от земного. Разум — плохой советчик в понимании священного писания. Чтобы понять евангелие, говорит Бок, нужно быть добродетельным, т. е. верить в бога и в то, что евангелие есть божественное откровение. Если отнестись к священному писанию без соблюдения этого необходимейшего условия, то результаты могут стать совершенно неожиданными: священное писание, читаемое не как божественное откровение, превращается в орудие революционной пропаганды. Бок так прямо и говорит, что направление евангелия по существу революционно, и чтобы его понять, недостаточно уметь читать, для этого нужно быть добродетельным. Библейское общество же, которое, как известно, ставило своей задачей широкое распространение священного писания, Бок уподобляет Руссо в духовном облачении.

Идеализм Бока заставляет его идеализировать роль церкви в государстве. Он полагает, что церковь, как хранительница чистоты религиозных принципов, может быть независима в своих нравственно-догматических функциях от государства. Когда Бок говорит о современной ему России, он очень хорошо видит, что церковь подчинена государству. Но, исходя из своих убеждений о непререкаемости и святости религии, он считает, что подобное положение делает церковь «пособницей полиции». Когда правительство приказывает народу молиться за людей, «всеми открыто презираемых» (так было, например, с Наполеоном после заключения Тильзитского мира), оно навязывает церкви полицейские функции.

Бок наивно полагает, что в современной ему России церковь может быть независима от государства, даже реформированного по его проекту. Поэтому он допускает полную веротерпимость, которая должна обеспечить невозможность огосударствления какой бы то ни было религии. Напротив, он не допускает вмешательства правительства в религиозные догматы и управление культа. Он требует избавить от подчинения государственной власти духовенство, как сословие, и соглашается только на личную зависимость от государственной власти каждого свя-

щеннослужителя в отдельности. Провозглашая полную веротерпимость, Бок все же объявляет православную церковь господствующей. Подчеркивание им, что она является «храмом евангелия, народности и терпимости» указывает, что господство православной церкви Бок понимал, как только моральное, а отнюдь не юридическое.

Как видно, Бок оказался далеко в стороне от материалистических идей, получивших распространение в кругах дворянской интеллигенции его времени. Сравнение его философии с философскими взглядами некоторых декабристов (П. И. Пестеля, кн. А. П. Барятинского, Н. А. Крюкова, И. Д. Якушкина) говорит явно не в его пользу. Вместе с тем нельзя не отметить, что религиозность Бока далеко не вполне соответствовала догматам христианской церкви. Отрицая божественное происхождение монархической власти, Бок утверждал, что Александр совершает преступление, когда он заявляет претензию быть первым человеком среди христиан. Вера во всемогущество бога заставляет приписывать его воле существование «чумы, гиен, скорпионов, клопов и алжирских деев» — иронически замечает Бок. Поэтому пусть лучше история решает, были ли монархи орудиями божественной милости или гнева.

В одном из своих многочисленных высказываний об Александре Бок выражает опасение, что царь, препятствуя домашнему образованию, может заставить дворянство посылать детей к пиэтистам. Бок страшится пиэтизма. Отрицание пиэтистами каких бы то ни было элементов разума в религии не могло быть принято человеком, воспитанным на началах просветительной философии. Так примешиваются черты рационализма к общему религиозному миросозерцанию Бока.

Религия, будучи, с точки зрения Бока, сильнейшим императивом поведения человека, является основой этики. Она рождает в человеке чувство долга. Под долгом Бок подразумевает не только выполнение обязанностей христианина. Он в отдельных высказываниях, разбросанных в разных местах своей Записки, развивает положение о долге гражданина. Гражданский долг, в представлении Бока, состоит в установлении таких отношений с людьми, которые основаны на велениях совести и чести. Никакие другие мотивы не должны руководить поведением человека. Это требование распространяется на отношения со всеми людьми, в том числе и с теми, кто облечен властью. Компромиссов с совестью и честью Бок не допускает, какие бы серьезные гражданские и политические последствия ни угрожали человеку. Он очень хорошо понимает что далеко не все люди способны на такой нравственный подвиг, но все же требования совести и чести остаются, по его убеждению, высшим нравственным законом. «Много ли существует людей, — спрашивает Бок, — которые могли бы сказать с искренностью: таково было мое

намерение и так я его выполнил? И если среди миллионов находится один человек, который соединяет гений и энергию с честностью, он оказывается изгнанником».

Что подразумевал Бок под этими загадочными словами? Что значит «изгнанник» и кто мог быть в глазах Бока «изгнанником»? Очевидно он имел в виду людей, пострадавших за свою честность каким-либо ущемлением своих гражданских и политических прав. Общее политическое мировоззрение Бока не дает никаких оснований полагать, что в его памяти мелькали в этот момент имена А. Н. Радищева или Ф. В. Кречетова. Но вполне допустимо, что он мог вспомнить о «верных слугах государевых», не боявшихся говорить правду в глаза монарху и пострадавших за это. Такие люди в истории России были. Они, вероятно, и являлись для Бока образцом гражданской морали.

В Записке Бока содержится несколько высказываний, которые можно рассматривать, как негативное определение сущности гражданской морали. Когда Бок говорит о дворянстве, он полон возмущения, вызываемого проявлениями низкопоклонства и пресмыкательства перед сильными мира сего. Дворянство в целом предстает в изображении Бока сословием, потерявшим представление о чести. Лифляндское дворянство пресмыкается перед маркизом Ф. О. Паулуччи, тогда как он бесчестен, труслив, способен на любую подлость. «Наши предки, — говорит Бок, — не носили красных ошейников (так выразительно называет Бок красные воротники на дворянских мундирах), но их благородство стоило больше нашего». Дворянство унижается не только перед ставленниками царя, но и перед самим царем. Пресмыкательство и лесть кружат головы монархам, заставляют их забывать об элементарных чувствах меры и такта, способствуют усилению деспотизма. «Смертные! — говорит Бок, обращаясь через головы своих предполагаемых слушателей в ландтаге ко всему российскому дворянству, — никогда не жалуйтесь на ваших государей — они являются только тем, что вы из них сделали. Но когда с колыбели вы отравляете их души низостью и подлостью, как же вы хотите, чтобы они дорожили вашим благом?» Так выполнение нравственного долга приобретает, в глазах Бока, значение орудия политической борьбы против деспотизма.

Развитое чувство нравственного долга исключает возможность для человека руководствоваться в своей деятельности такими недостойными страстями, как тщеславие, корыстолюбие, эгоизм. Что как не наличие всех этих пороков приводит к тому, что люди, обладающие властью, могут безнаказанно говорить, например, такие вещи: «Армия — это свора собак, которых нужно отпускать во время войны и запираить во время мира». Из текста Записки ясно, что этот «афоризм» был произнесен либо Константином Павловичем, либо самим Александром. Бок, как офицер, да еще такой, храбрость которого много раз отмечалась, должен был быть особенно чувствителен к таким оскорбительным выход-

кам. По словам Бока, Константин Павлович — этот трус, публично избалованный своим адъютантом, — делал смотр гвардейским гусарам. Отпуская их, он после многих ругательств обратился к ним с такими словами: «Вы, босяки, умеете только драться» (эти слова написаны Боксом по русски). «Нужно иметь в жилах грязь вместо крови, чтобы перенести подобные гнусности» — заключает Бок рассказ об этом.

Развивая мысли о гражданском долге человека, Бок, естественно, не мог миновать упоминаний о самом себе. В Записке он довольно много говорит о своей персоне. Но все его суждения о себе не заключают никаких намеков на самовосхваление. Напротив, он очень сдержан и скромно, и если упоминает о некоторых своих поступках, то делает это только для того, чтобы доказать чистоту своих помыслов.

Прежде всего самый факт сочинения им Записки и решение прочесть ее в ландтаге он рассматривал, как выполнение гражданского долга. Он слишком хорошо понимал, что подобная дерзость не пройдет для него безнаказанно. Но страх перед последствиями не остановил его. В записке он дважды говорит об этом. В самом ее начале он заявляет, что не надеется окончить свои дни у отцовского очага — явный намек на предвидимые им гибельные последствия его выступления. И заключает он свою Записку грустным признанием в том, что ему безразлично, каким способом у него отнимут счастье жизни. А что оно может быть отнято, т. е. что царь может жестоко расправиться с ним, это он допускает вполне.

В тех местах Записки, где Бок говорит о себе, он несколько раз затрагивает вопрос о том, в какой степени соответствия с его моральными принципами находится его собственная жизнь. Он, ссылаясь на собственный пример, хочет показать, что возможно жить, руководствуясь голосом совести. «Я не принадлежу к числу мучителей людей, — пишет он, — в моем доме все свободны. Я вижу в самом униженном рабе моего ближнего, моего брата, которого бог создал, так же как меня, для достойного существования... Вы все знаете, — обращается он к своим слушателям, — на ком я женился», т. е. и в вопросах семейной жизни он руководствовался только высокими побуждениями, а не корыстью и эгоизмом. Он пренебрегает внешними знаками отличия. Он полагает, что достойный быть отмеченным, будет отмечен не только лентами и орденами, а и всеобщим уважением.

Таковы мысли Бока об этике. Они позволяют составить представление об основных этических требованиях, которыми должен, с точки зрения Бока, руководствоваться в своей жизни человек. Он должен быть честен, неподкупен, откровенен, обладать высоко развитым чувством собственного достоинства, быть свободным от предрассудков, обладать гражданским мужеством. Таков нравственный императив поведения человека. Подчиняясь

ему, он выполняет свой не только христианский, но, что особенно важно отметить и что придает религиозности Бока особую специфичность, и свой гражданский долг.

Говоря в Записке о самом себе, Бок открывает одну черту своего мировоззрения, которая тесно связана с его этическими принципами. Он считает необходимым подчеркнуть, что он отнюдь не мизантроп и не пессимист. Напротив, жизнь для него полна прелести. Он счастлив в своей семейной жизни, он имеет друзей, наука и искусство являются для него неиссякаемым источником радости. Эта автохарактеристика вполне соответствует действительности: весь его жизненный путь свидетельствует о том, что он был жаден к жизни и отнюдь не замыкался в самом себе. В его мировоззрении была значительная доля гедонизма. Указанием на это свойство он стремился погасить всякое подозрение относительно того, что его выступление продиктовано злобными чувствами, что он мрачный мизантроп, тенденциозно сгущающий краски, которыми он рисует картины мира. Напротив, он полон любви к жизни и людям, и если говорит о тяжелых и горьких предметах, то только потому, что в этом видит выполнение своего нравственного и гражданского долга.

В критике существующего в России социально-политического строя и в конструктивной части своей программы Бок отталкивается от очень отчетливого сознания своей национальной и классовой принадлежности. По происхождению он лифляндский дворянин. Но менее всего он чувствует себя лифляндецем. Он сам говорит о себе, что с ранней молодости был чужд Лифляндии и мало осведомлен в ее делах. Несомненно, он имеет в виду узко сословные, корпоративные дела лифляндского дворянства. Этим делам он, как можно судить по его биографии, действительно всегда оставался чужд. Правда, он не забывает, что Лифляндия — место его рождения, а потому она не может не быть для него самым дорогим местом на земном шаре. Но она все же не является для него отечеством. Отечество и место физического рождения, в представлении Бока, понятия отнюдь не идентичные. В лифляндских дворянах Бок видит только своих соседей. Но как далеко не всякий сосед является близким по духу тому, с кем он соседит, так и между лифляндским дворянством и Боком близости нет. Сердце его принадлежит народу, что он и доказал своей женитьбой на эстонской крестьянке.

Свою связь с Россией, а не с Лифляндией только, Бок подчеркивает в Записке со всей определенностью. Помимо прямого заявления, что он считает себя русским, он делает это и в косвенной форме. Ссылки на исторические примеры, делаемые им неоднократно, в тех случаях, когда он говорит о России, носят более обобщающий характер по сравнению с теми случаями, когда он упоминает о Лифляндии. Ссылки на примеры из исто-

рии Лифляндии делаются Боком лишь тогда, когда речь идет о дворянстве. Он превосходно знает русскую культуру и говорит о ней с любовью и гордостью, тогда как о культурном прошлом и настоящем Лифляндии не упоминает вовсе.

Русскую культуру Бок действительно знает, и его сведениям в этой области могли бы позавидовать многие представители русской дворянской интеллигенции. Близкое общение Бока с людьми науки и искусства, осуществлявшееся им в годы жизни в Петербурге, большая начитанность в русской научной и художественной литературе, знакомство с русской музыкой, русским театром, русским изобразительным искусством — все это позволило Боку говорить о себе не только как о знатоке, но и как о воспитаннике русской культуры. Русская культура воспринимается Боком, как родная культура, сформировавшая его политическое, философское и художественное мировоззрение.

Конечно, Боку были известны имена Ю. Ф. Лисянского и И. Ф. Крузенштерна, под командованием которых было в 1803—1806 гг. совершенно первое русское кругосветное путешествие. Оно открыло собою ряд других кругосветных экспедиций, которые с 1815 г. снаряжались почти ежегодно. Нельзя сомневаться в том, что Бок о них знал, иначе он не имел бы оснований говорить, что «для нашего флота кругосветное путешествие не представляет ничего особенного». Конечно, Бок хорошо знал государственных деятелей его времени. Хотя ближайшему окружению Александра в период после 1815 г. он дал уничтожающую характеристику в Записке, тем не менее многих из людей, занимавших крупные государственные посты, он считал способными решать задачи европейского масштаба. К этому разряду людей, помимо московского митрополита Платона, Бок, как можно судить по его указанию на то, каких лиц Александр к себе приблизил, а каких отдалил, причисляет гр. П. А. Палена, гр. Н. П. Панина, гр. Ф. В. Ростопчина, гр. В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, кн. Н. И. Салтыкова, кн. А. Чарторижского, М. М. Сперанского (о последнем Бок говорит как об одной из жертв деспотизма Александра). Было бы несомненным преувеличением согласиться с Боком в оценке всех перечисленных им лиц, как деятелей европейского масштаба. Но важно, что Бок таких находит среди русских людей, занимавших руководящее положение в правительстве Александра.

Имена выдающихся деятелей русской художественной литературы и искусства Боку хорошо знакомы. Он считает, что страна, обладающая столь значительными культурными ценностями, заслуживает уважения. Бок уверен, что эти культурные ценности являются залогом дальнейшего, еще более широкого культурного развития России. Он называет Г. Р. Державина, В. А. Озерова, И. И. Дмитриева, И. А. Крылова, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, как самых крупных русских писателей. Н. М. Карамзин ему представляется выдающимся ученым. Бок

знает русский театр: в его списке фигурируют имена таких замечательных актеров, как Я. Е. Шушерин, Я. Г. Брянский, Е. С. Семенова, М. И. Данилова. Как музыкант, Бок не мог пройти мимо прославленного композитора культовой музыки Д. С. Бортнянского. В области изобразительного искусства его внимание привлекли известный медальер гр. Ф. П. Толстой, гравер Н. И. Уткин, знаменитый скульптор И. П. Мартос, работу которого — памятник Минину и Пожарскому — Бок считал нужным назвать, и исторический живописец А. Е. Егоров.

Бок очень высокого мнения о русской армии. Она не нуждается в похвалах, пишет он, «пусть скажут французы, что они о ней думают». Бок, как профессиональный военный, да еще участник войн 1812—1814 гг., мог говорить о русской армии со знанием дела. Все, что в армии есть отрицательного, должно быть отнесено за счет Александра, преступления которого перед армией и всей страной неисчислимы (об отношении Бока к Александру будет сказано дальше). Столь же высокого мнения Бок и о русском крестьянине. Он пишет, что если бы в России даже не было дворянства, то все равно ее народ занял бы выдающееся место среди других цивилизованных народов. «Тот, кто сам имел случай сравнить низшие классы различных стран, — пишет он, — находил, что русский бородач занимает первое место в Европе по своей религиозности, любви к родине, чистосердечию, деятельности, сообразительности». Если в России еще не хватает третьего сословия, то «с великой способностью русской нации к совершенствованию для этого нужно не более 20 лет», заключает Бок свои рассуждения о русском народе.

Все сказанное убеждает в том, что Бок считал себя русским человеком, духовно связанным с русской, а не немецкой культурой. В Записке Бок не делает ни малейших намеков на желание противопоставить себя русскому дворянству. Всякие сепаратистские тенденции совершенно чужды Боку. Он очень хорошо понимает, что всем что он имеет, он обязан России, а потому не может быть и речи о каком-либо другом отношении к ней, чем отношение гражданина к своему отечеству.

Мотив любви к отечеству звучит в сочинениях Бока постоянно. Бок много раз говорит об этом и говорит в тоне, исполненном подлинного патриотического пафоса. Для него защита отечества является делом «наиболее прекрасным в мире». Человек, лишенный привязанности к отечеству, уподобляется животному. Космополитизм — «не более как приукрашенный эгоизм и ничтожество». Говоря о себе, Бок несколько раз подчеркивает свои заслуги перед отечеством, делая это с горделивой скромностью. Их он видит в том, что он никогда не служил чужеземцам и всегда прислушивался к голосу собственного сердца, что он в 60 сражениях встречался со смертью, что только любовь к отечеству побудила его решиться на такой шаг,

как написание Записки. Патриотизм Бока лишен каких бы то ни было элементов верноподданничества. Бок любит не Россию Александра и его слуг, которых он клеймит с силой, не так уж часто встречающейся в антиправительственной литературе эпохи, а Россию — страну выдающегося народа, имеющего славное историческое прошлое и богатое будущее.

Патриотизм Бока — не созерцательный патриотизм прекрасодушного дворянина, остающегося, при всей своей честности и искренности, пассивным. Бок любит отечество любовью, побуждающей его к действиям. Смысл и значение их он видит в борьбе с тем, что, с его точки зрения, губит Россию — с самодержавием. Понимание Боком характера и содержания борьбы с самодержавием раскрывается в дальнейшем изложении.

Говоря о любви к отечеству, Бок, естественно, не мог не коснуться того события, которое было у всех еще очень живо в памяти и которое, по мнению Бока, явилось величайшим выражением патриотических чувств народа и лучшей, с точки зрения Бока, части дворянства. Речь идет о войне 1812 г. Наполеона Бок ненавидит за его стремление к мировому господству и связанную с этим политику национального порабощения других народов. Актом всемирно-исторического значения он считает победу, одержанную над Наполеоном Россией (здесь он повторяет то, что было им высказано в Записке «высокостоявшему лицу» — см. стр. 29). Он считает, что Россия и вся Европа обязаны своим спасением от Наполеона никак и ни в коем случае не царю, а мужеству и доблести народа и руководившего им дворянства.

Победа над Наполеоном имела важнейшие последствия для России. Народ показал себя в борьбе с Наполеоном достойным лучшей участи. Всякий народ, говорит Бок, проходит стадию варварства, прежде чем достичь цивилизации. Русский народ, по мнению Бока, прошел эту стадию. В истории народов бывают моменты, внезапно меняющие их существование. Таким моментом в истории России была Отечественная война, почти волшебным образом изменившая характер народа. «Народ, освещенный заревом Москвы, — это уже не тот народ, которого курляндский конюх Бирон таскал за волосы в течение десяти лет», пишет Бок.

Для большей убедительности этого своего положения Бок ссылается на пример Испании. Хищничество Наполеона научило испанцев сознавать свою силу. Они перестали быть рабами, какими были за десять лет до того. Это освобождение от рабства было достигнуто дорогой ценой: людям иногда приходится оценить порядок и свободу, пройдя через все муки деспотизма и его дочери — анархии.

В этом рассуждении Бок выступает противником революции: революция порождает анархию — вот что хочет сказать Бок,

упомянув о дорогой цене, заплаченной испанцами за порядок и свободу (об отношении Бока к революции ниже будет сказано подробнее). В этом рассуждении Бока сквозит и дворянски пренебрежительное отношение к народу, недавно находившемуся якобы в состоянии «варварства», что, впрочем, не мешает Боку отмечать исторические заслуги русского народа. Но вместе с тем полно глубокого смысла признание Боком громадного значения Отечественной войны 1812 г. в жизни России. Мысль его о пробуждении в народе политического и гражданского сознания в результате войны с Наполеоном роднит Бока с декабристами. Как известно, они придавали исключительное значение этой войне в развитии освободительного движения в России и сами себя считали «детьми двенадцатого года».

Таков патриотизм Бока, таково его отношение к России, в которой он видит свое единственное отечество.

Но Бок хочет внушить свои чувства и мысли всему лифляндскому дворянству. Во многих местах Записки он говорит об этом. Он старается убедить своих будущих слушателей в ландтаге, что для них никакая политическая или идейная ориентация, кроме русской, невозможна. В интересах самой Лифляндии отказаться от разобщения с русскими. Пора перестать смотреть на великий народ «с высоты немецкой философии». Все политическое существование Лифляндии основано на соглашении с Россией. В свое время лифляндцы были даже необходимы России, но теперь русские не нуждаются в «немецких очках». Следовательно, нет причин, задерживающих сближение с Россией, как с равной стороной. «Мы должны быть русскими и мы должны стать ими», говорит Бок. Для лифляндского дворянства Россия — «великое и священное отечество». В течение ста лет лифляндское и русское дворянство вместе проливали кровь, защищая отечество, а если речь идет об отечестве, лифляндские дворяне не уступят никому во всей России.

Как видно, Бок оценивает своих немецких предков гораздо выше, чем они того заслуживают. Он, вопреки истине, убежден в их культуртрегерской роли на востоке Европы. Истинная цель немецких колонизаторов в Прибалтике осталась для него скрытой. Более того, Бок полагает, что даже после присоединения Лифляндии к России потомки немецких рыцарей продолжали оказывать благотворное влияние на Россию. Рассуждая так, Бок показал, что, хотя он и считал себя русским и своих сородичей убеждал стать русскими, в нем все же немецкая националистическая закваска не была вытравлена до конца.

Предлагая слияние лифляндского дворянства с русским, Бок не считал, что лифляндское дворянство должно поставить себя в то же положение по отношению к верховной власти, в каком находится дворянство русское. Лифляндские дворяне пользуются конституционными правами, которыми они дорожат и на лишение которых они не согласятся. Но это неминуемо должно

произойти, если положение тех и других будет совершенно уравнено. Следовательно, желая быть неотделимой частью русского дворянства, лифляндские дворяне не должны забывать о своих политических преимуществах по сравнению с русскими и ни в коем случае не терять их. Лифляндия не колония России, говорит Бок. Она инкорпорирована в состав Российской империи с сохранением древних конституционных прав ее дворянства. Ее дворянство — не кучка торговцев водкой и хлебом, с которыми царь может делать все, что угодно. Лифляндское дворянство имеет твердые права, дающие ему возможность вступать в соглашение с верховной властью в России.

Эти права, о которых Бок не говорит по той простой причине, что они всем членам ландтага были хорошо известны, заключались в разрешении административной и судебной власти Лифляндии издавать постановления, носившие характер законодательных актов. Самое существование ландтагов было также признанием внутренней автономии Лифляндии. Кроме того, в Лифляндии имели силу только те общие государственные законы, относительно которых были сделаны специальные постановления⁶⁴. Так лифляндское дворянство после присоединения Лифляндии к России обеспечило за собой сохранение своих старых привилегий. Они к тому времени, когда Бок писал свою Записку, еще в полной мере сохраняли реальную силу. С точки зрения Бока, они давали лифляндскому дворянству возможность вступать, как он говорит, в соглашение с верховной властью, т. е. сохранять право внутренней автономии.

Таким образом, лифляндское дворянство, по мнению Бока, не должно раствориться в русском дворянстве, но в то же время не может отделиться от него. Оно должно влиться в русское дворянство, оставаясь самим собой. Слияние лифляндского дворянства с русским и, что еще лучше — «с самой нацией» — насущная потребность лифляндского дворянства. Говоря о слиянии дворян Лифляндии «с самой нацией», Бок имел, очевидно, в виду не что иное, как устранение всякого сепаратизма, всякого местного дворянского национализма. С его точки зрения, конституционные права лифляндских дворян имели значение не сами по себе и сохранение их было нужно не для развития сепаратистских тенденций и реализации их во взаимоотношениях с Россией. Они имели значение лишь постольку, поскольку могли наилучшим образом осуществить ограничение самодержавия.

В чем видел Бок выгоду сохранения конституционных прав лифляндского дворянства?

Бок полагает, что лифляндское дворянство, в силу древности его конституционных прав, может стать во главе всего дворянства России для решения вопроса о введении конституции, огра-

⁶⁴ Я. Я. Зутис, Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в., М., 1937, стр. 157, 164.

ничающей деспотическую власть самодержца. Для того чтобы положить конец деспотизму русского царя, нужно не только желание, но и возможность реализовать его. Русское дворянство, задавленное деспотизмом, не обладает никакими правами, которые позволили бы ему противопоставить себя самодержцу. В борьбе с деспотизмом ему не на что опереться: у него нет ни юридических прав, ни неписанных законов. Правда, Бок в одном месте Записки заявляет, что русское дворянство одно «цивилизовано во всей империи, следовательно, обладает правами». Но весь текст Записки не дает оснований понимать это заявление буквально. Видимо, Бок считает, что существующее в России законодательство о дворянах дает ему только право и возможность добиваться для себя политических прав. В настоящее же время оно ими не обладает. Лифляндское же дворянство имеет то, чего русские дворяне лишены. А потому оно и может возглавить конституционное движение. Оно будет опираться при этом на свой исторический опыт конституционного существования, идущий со времени появления немцев в Прибалтике, и на оформленное в законодательных актах современное положение.

Следует тут же заметить, что конституционный проект Бока, изложенный им во второй части Записки, ничего общего не имеет с автономными правами Лифляндии. Они рассматриваются им лишь как исторический опыт политической организации дворянского сословия. По содержанию же права автономного существования лифляндского дворянства не имеют, как это будет видно из дальнейшего, даже отдаленного сходства с тем, что предлагал Бок.

Традиции, честь и достоинство дворянства делают это словие в глазах Бока опорой всей цивилизации. Дворянство, как говорит Бок, — «единственный конституционный и цивилизованный класс». Но деспотизм попирает юридические права лифляндского и моральные права русского дворянства. Значит, в интересах цивилизации необходимо бороться с деспотизмом. Эта борьба может кончиться успехом лишь при условии слияния лифляндского и русского дворянства. Если правительство будет препятствовать такому слиянию, то вся масса русского дворянства подымется, по мнению Бока, против правительства. Если же правительство захочет, как говорит Бок, мстить лифляндскому дворянству (очевидно, за инициативу в конституционном движении), то найдутся решительные люди, способные заставить правительство пойти на уступки. Можно думать, что говоря о решительных людях, Бок подразумевал тех, кто, подобно ему самому, был готов на открытое разоблачение деспотизма. Нет оснований полагать, что Бок имел в виду нечто большее.

Итак, Бок считает себя русским (он и действительно был таковым, переоценка им исторической роли его немецких предков все же не зародила в нем мысли о возможности противо-

поставить себя России), считает Россию своим отечеством, убежден, что и все лифляндское дворянство должно слиться с русским, что идея сепаратизма гибельна для Лифляндии и не принесет пользы русскому дворянству. Таково отчетливое сознание Бока о своей национальной принадлежности.

Ощущение Боком кровной связи с Россией и русской культурой становится особенно значительным при сопоставлении его отношения к России с той антипатией к ней, какую испытывали многие другие лифляндские дворяне. Известно, что значительная часть наиболее реакционно настроенного дворянства Лифляндии ориентировалась отнюдь не на Россию, а на Германию. Крепостники-реакционеры, охотно признавая себя подданными русского императора, в котором они видели надежнейшую опору своих классовых интересов, презирали в то же время Россию и русский народ. Свои старые привилегии они рассматривали не только как средство обеспечения неограниченных возможностей эксплуатации закрепощенного крестьянства, но и как способ изолировать себя от общения с русским народом и даже с русским дворянством. С их точки зрения, эти привилегии возводили между ними и всей остальной Россией стену, через которую всегда легко можно было договориться с царем, но которая была непроницаема для общественных, культурных и бытовых связей с Россией.

Одним из наиболее видных современных Боку идеологов реакционного лифляндского дворянства был обер-пастор Карл Готтлиб Зоннтаг. Этот человек в своих литературных произведениях выступал с критикой политики Екатерины II, лишившей, как известно, лифляндское дворянство некоторых привилегий. Он призывал дворянство к отстаиванию своих прав. Последователем Зоннтага явился историк Фридрих Георг фон Бунге, который ставил своей целью реабилитировать историческое прошлое прибалтийских немцев и оправдать обособленность лифляндского законодательства от общемперского. Даже такой прогрессивно настроенный в отношении крестьянского вопроса деятель, как Иоганн Христоф Петри, и тот всячески восхвалял Павла за частичное восстановление административных и судебных порядков, ликвидированных реформами Екатерины II⁶⁵.

В свете суждений этих и им подобных людей, отражавших точку зрения очень немалочисленной группы лифляндского дворянства, подчеркивание Боком своей близости к России приобретает особое значение.

Что касается классового самосознания Бока, то оно с полной ясностью вырисовывается из всего того, что было до сих пор сказано о нем. Бок — дворянин и расстаться со своим дворянством отнюдь не намерен. Только на дворянство он смотрит иными глазами, чем те, к кому обращена его речь. Дворянина,

⁶⁵ Я. Я. Зутис, Очерки по историографии Латвии, ч. I, Рига, 1949, стр. 106, 120—123, 126.

по мнению Бока, отличают от всякого другого человека не красные воротники на мундирах, а высокие нравственные достоинства. Эти достоинства позволили дворянству занять почетное место в современной жизни. Как будет видно из дальнейшего, в своем конституционном проекте Бок политические и экономические привилегии дворянства, имеющие юридическую силу, отрицает.

Дворянская классовая направленность общего политического мировоззрения Бока сказывается и в его постоянном стремлении подчеркнуть, что он не революционер. Бок откровенно признается, что он боится революции. «Мы не хотим вызвать революцию, напротив, мы стремимся предотвратить ее», пишет он. Дворянство должно апеллировать не к народу, что может вызвать волнения, а только к царю. «Мы не смутьяны и не клеветники, мы дворяне, которые говорят о том, что касается их ближе всего, и притом не тайно, обращаясь к народу, а непосредственно — к его величеству», пишет Бок. Он полагает, что даже тот путь, какой он избрал, т. е. написание Записки и прочтение ее в ландтаге, не совсем безопасен. Нападать на власть всегда опасно, ибо власть служит опорой общественного строя. Но положение столь серьезно, что следует пренебречь этим и показать Александру действительность во всей ее наготе. Если этого не сделать, положение может стать угрожающим, т. е. может произойти революция.

А что скажет дворянство, когда революция разразится? Как оно почувствует себя, когда на его глазах произойдет то, что уже испытала Франция: «неверие, отвратительные зверства и все ужасы отчаяния?» Что будут делать лифляндские дворяне, если русские «совсем не вмешаются вооруженной силой в наши распри с крестьянами и предоставят им свободу действий?» — с такими вопросами обращается Бок к своим будущим слушателям в ландтаге.

Деспот не в состоянии справиться со стоящими перед ним задачами. Он не может разрешить самый важный для дворянства вопрос — вопрос крестьянский. Если деспот бессилён сделать это, а угроза крестьянского восстания возрастает, то, следовательно, нужно ликвидировать деспотизм.

Так выясняется одна из целей написания Боком его Записки и так раскрывается дворянская природа его политического мировоззрения. Бок, конечно, не революционер. Он не только не допускает возможности революции — непосредственное обращение к народным массам с целью призвать их на борьбу с деспотизмом кажется ему невероятным — но он даже обращение к царю не считает вполне безопасным делом. К этому его вынуждает крайняя необходимость.

Было бы, однако, неверно ограничиться в отношении общественно-политической направленности Бока только этой характеристикой. Она слишком принижает его, обедняя значение

его выступления. Бок руководят не только корыстно-эгоистические чувства дворянина, боящегося крестьянских волнений и лишь в целях их предотвращения готового сказать смелое и свободное слово. Бок отнюдь не лишен тех чувств, которые никак нельзя назвать эгоистическими. Его понятия о морали и долге, его жизнь до написания Записки и его пребывание в крепости, его настоящий патриотизм, целый ряд его высказываний в Записке по разным вопросам, о которых еще пойдет речь впереди, наконец, самый факт написания им Записки — все это не может быть забыто при характеристике Бока. Он не принадлежит к разряду тех довольно многочисленных дворян-проектеров, которые подавали царю верноподданнические записки, движимые одним лишь страхом перед крестьянскими волнениями, и не знали, чего им бояться больше — бунта ли их рабов, или царского гнева, могущего обрушиться на них даже за их смиренные напоминания. Дворянская ограниченность Бока, сказывающаяся в приведенных выше суждениях и мыслях, не дает оснований рассматривать его выступление как только акт защиты помещиком его помещичьих выгод.

Крестьянский вопрос не был для Бока, судя по его Записке, важнейшим из важных. Ему он уделил сравнительно немного внимания. Тем не менее крепостная зависимость крестьян явилась одной из причин составления им Записки. Каковы же были его взгляды на крестьянский вопрос?

Для Бока необходимость освобождения крестьян от крепостной зависимости кажется настолько очевидной, что он даже не считает нужным аргументировать эту необходимость. Он не приводит ни одного из тех доводов в пользу ликвидации крепостного права, которые обычно фигурировали в антикрепостнической (печатной и рукописной) литературе. Более того, он не считает нужным даже облечь свое требование освобождения крестьян в прямо и определенно выражающую его мысль формулу. Такой формулы нет ни в первой, ни во второй частях его Записки. Отсутствие ее может даже заронить подозрение, что Бок умышленно не хотел излагать требования об освобождении крестьян в виде прямого тезиса, что он ограничился косвенными намеками и не решался говорить резко и определенно потому, что сам до конца не был убежден в необходимости ликвидации крепостного права. Однако для такого подозрения не остается места, если вспомнить все антикрепостнические высказывания Бока до 1818 года и если вчитаться в текст 17-й статьи его конституционного проекта. Вот эта статья: «Нация, в целях собственной выгоды, разделена на классы, но каждый из них пользуется одинаковым покровительством законов и одинаковой гражданской свободой» (разрядка моя — А. П.). С точки зрения Бока, крестьянство должно пользоваться одинаковой гражданской свободой с другими классами, т. е. с дворянством, духовенством и буржуазией. О каком же крепостном состоянии кре-

стьян может идти речь при таких условиях? Бок, как можно думать, только в силу самоочевидности для него истины об освобождении крестьян не считал нужным заявлять об этом в прямой форме.

«Рабство есть институция, столь же бессмысленная, сколь и возмутительная», пишет Бок. Александр, который «не может его (т. е. рабство) одобрить», должен уничтожить этот позор. Должен, но не делает этого. Сама постановка Александром вопроса об освобождении крестьян фальшива. Александр должен проявить твердость и решительность в деле освобождения, так как дворянство добровольно не хочет отказаться от своих прав. Не имея мужества открыто протестовать против идущего с высоты престола покушения на его права, дворянство занимает колеблющуюся позицию. Попытки царя разбудить в дворянстве освободительные тенденции «приманками двора» или «красивыми фразами» не приводят ни к каким результатам (о понимании Бокон истинной цены этих попыток будет сказано в своем месте).

В явном противоречии с только что приведенной мыслью Бок в другом месте Записки утверждает, что русские дворяне «не хотят угнетать земледельца», что они, «требуя от императора правосудия, порядка и гражданской свободы, гарантируют эти же права своим подданным». Нужно думать, что это утверждение высказывалось Бокон не в качестве констатации существующего положения, а лишь как некая проекция в будущее. Бок убежден в наличии освободительных тенденций в среде русского дворянства, но превращение этих тенденций в могущую иметь эффективные результаты волю относит к будущему. Что касается лифляндских дворян, то они, с точки зрения Бока, якобы убеждены в необходимости дать крестьянам волю. К разряду таких дворян он причислял и самого себя. Он писал в Записке: «Теперь мы собрались, чтобы умолять его величество... о полном разрыве тех слабых уз, которые еще соединяют земледельцев Лифляндии с дворянством».

Особое внимание Бок уделяет положению казенных крестьян. Он приводит некоторые черты их быта, с которыми он столкнулся на собственном опыте и которые заставляют его видеть в государственных крестьянах самую угнетенную категорию крестьянского населения. Негодование и ужас, говорил Бок, охватывают всякого при взгляде на государственных крестьян, превращенных волею царя в военных поселенцев.

О положении крепостного крестьянства и о существующих отношениях помещиков к своим крестьянам Бок говорит мало и неясно. «Наша добрая воля уже завела нас слишком далеко в деле освобождения крестьян, — пишет он, — и мы ничего больше не будем предпринимать в этом направлении, так как дело заключается не в том, чтобы вскружить крестьянину голову словом «свобода», а в том, чтобы прочно утвердить благосо-

стояние всей нации — с тем, чтобы и земледелец не потерял своего места». Трудно сказать, какой смысл вкладывает Бок в слова: «Наша добрая воля уже завела нас слишком далеко в деле освобождения крестьян». Если он имел в виду крестьянское законодательство Александра (закон о вольных хлебопашцах, закон о праве крестьян покупать ненаселенные земли, законы 1816 и 1817 гг. об освобождении эстляндских и курляндских крестьян от личной зависимости от помещиков; о лифляндских крестьянах аналогичный закон был издан только в 1819 г., т. е. после написания Бокон Записки), то кажется странной квалификация этих законов, как «слишком далеко идущих», со стороны человека, заявившего о необходимости полного уравнивания в правах крестьян с другими сословиями. Нет сколько-нибудь основательных данных для объяснения этой противоречивости.

Заявление Бока об отказе в дальнейшем предпринимать что-либо в направлении разрешения крестьянского вопроса может быть истолковано как признание не только бесполезности, но даже вредности отдельных мероприятий в области аграрно-крестьянского законодательства. С точки зрения Бока, видимо, отдельные мероприятия только кружат крестьянину голову словом «свобода» и толкают его на выступления, о своем страхе перед которыми Бок уже заявлял. Дело заключается в разработке общего аграрно-крестьянского законодательства, результатом которого будет прочное утверждение крестьянского благосостояния. Непременным условием его явится освобождение крестьян от крепостной зависимости. Это положение Бока, выраженное в его высказываниях о крепостном праве и в 17-й статье его конституционного проекта, остается непоколебленным замечанием о «доброй воле» дворянства, уже заведшей его далеко в деле освобождения крестьян.

Относительно способа выработки общего аграрно-крестьянского законодательства у Бока сомнений не возникает. Совершенно убежденный в том, что это дело не может и не должно быть отдано в руки Александра, — как будет видно из дальнейшего, Бок не верит ни в добрую волю, ни в способность Александра вообще сделать что-либо хорошее для России — Бок считает необходимым созыв органа, совпадающего по своим функциям с учредительным собранием, который и займется в числе других вопросов разработкой крестьянского законодательства.

В Записке Бок обходит молчанием вопрос об условиях освобождения крестьян. Намек на то, что он допускает возможность наделения крестьян землей, содержится в одной из статей его проекта. Но в первой части Записки вопрос этот не затрагивается вовсе. В Записке нет никаких указаний на то, какими представлял себе Бок взаимоотношения между освобожденными крестьянами и помещиками. Никаких других документов, могу-

щих осветить взгляды Бока на условия освобождения крестьян, в нашем распоряжении нет. Все, чем мы располагаем, это — текст Записки, в которой ответа на поставленный вопрос не содержится.

Наибольшее внимание уделяет Бок в первой части Записки Александру. Он написал исполненный силы памфлет против царя. Деспотизм, лицемерие, трусость, коварство, неспособность управлять государством, мелкое тщеславие, пренебрежение к национальным интересам и нуждам России — все эти качества Александра разоблачены Боком с беспощадностью и со страстью. Когда он говорит об Александре, его речь приобретает яркость и упругость. Он достигает подлинной художественной выразительности, рисуя портрет человека, одно имя которого вызывает у него враждебное чувство. Во всей известной нам антиправительственной литературе декабристской эпохи мало найдется произведений равных Записке Бока по силе разоблачения личности Александра и уничтожающей критике деспотизма русских самодержцев.

Александр, пишет Бок, начал свое царствование с обещания освободить страну от тирании. Он поклялся царствовать, следуя чувствам Екатерины II, выполняя законы справедливости и благоразумия. И первые шаги царя давали основания надеяться, что это не пустые слова. Подданные Александра готовы были даже забыть, что они живут в деспотическом государстве. Бок, видимо, склонен оценивать начало царствования Александра положительно. В одном месте Записки он говорит, что за последние 13 лет пребывания Александра на престоле единственным светлым поступком его была борьба с Наполеоном. Записка написана в начале 1818 г., следовательно Бок имеет в виду время с 1805 по 1818 г. Значит, первые 4 года царствования Александра заслуживают, с точки зрения Бока, иной оценки по сравнению с последующим 13 годами, в течение которых Бок увидел один единственный светлый поступок царя.

Конечно, Бок имел в виду осуществленные и предполагаемые реформы первых лет александровского царствования. Как известно, эти реформы коснулись крестьянского вопроса, центральных административных учреждений, просвещения, законодательства и т. д. Бок, естественно, не мог иметь сколько-нибудь верного представления об истинных причинах этих мероприятий, как не знал и настоящей их цены. Демагогию царя, вынужденного силой обстоятельств «заигрывать с либерализмом» (В. И. Ленин), он принял за чистую монету.

Но очарование первых лет пребывания Александра у власти быстро исчезло. Бок считает, что уже в 1805 г. Александр показал свое истинное лицо, с которого начали исчезать вначале пленившие всех черты и заменяться отвратительной маской лицемера. В определении продолжительности александровского «заигрывания с либерализмом» Бок разошелся с современни-

ками, относившими перемену в политике царя к более позднему времени: как известно, декабристы считали, что поворот Александра к реакции обозначился после 1812 года. Бок, очевидно, полагал, что время с 1805 по 1812 г. не заслуживает того, чтобы его оценивать иначе, чем послевоенные годы. Вероятнее всего предположить, что 1805 год потому, по мнению Бока, закончил собой «светлый» период александровского царствования, что в этом году царь начал неудачную войну с Наполеоном, позор которой усугубился Тильзитским миром. К тому же с 1805 г. прекратилась та реформаторская деятельность в государственном управлении, которой были отмечены первые годы пребывания царя у власти.

Итак, говорит Бок, после первых недолгих лет царствования началось разочарование в Александре. Перед своими подданными он предстал в истинном свете. Александр стал предаваться низким страстям и капризам и творить всевозможные мерзости. Он столько же тщеславен, сколько и ничтожен. Он не постыдился войти в связь с баронессой Крюденер, которую Бок не считает нужным даже назвать по имени и клеймит ее такими кличками, как проститутка и профессиональная обманщица. Демагогия и ханжество всегда были верными спутниками тирании, они являются отличительными чертами и Александра. Ни одному слову царя верить нельзя: он говорит о своей любви к народу, но в ответ на великие жертвы со стороны населения запрещает всякие жалобы на тех, кто обременяет народ тяготами. Александр похож на Юстиниана, Филиппа II Испанского, Людовика XIV. А характеристика этих трех монархов, данная Боком, такова: они коварны, на совести их лежат убийства их близких, они предаются разврату, они тщеславны и кровожадны, они перестали быть настоящими христианами.

Одно из самых тягостных преступлений Александра, в глазах Бока, — это его отношение к религии. Чрезвычайно религиозно настроенный Бок не мог не обратить на этот вопрос самого пристального внимания. По мнению Бока, вера Александра — богохульство. Он, как глава Священного союза, прикрываясь именем Христа, отдал свою империю в руки льстецов и авантюристов. Как могло случиться, что проститутка (т. е. та же баронесса Крюденер) стала основательницей Священного союза, а Александр возглавил его? Это произошло потому, что тщеславию царя льстит ореол божественности. Но тем самым он попирает законы религии. Не может человек присваивать себе атрибуты божества. Поступая так, он становится богохульником.

Александр любит, когда его считают блюстителем христианства, законодателем, героем, освободителем, покровителем искусств и наук, отцом народа. В действительности, когда дело доходит до осуществления «благих» намерений царя, начинают, по выражению Бока, «поиски мундиров», т. е. все сво-

дится к показной стороне, которую так любит царь. Созываются комитеты, в которых Александр «ведет себя, как хитрец», т. е. лжет и обманывает, так как он не хочет никаких перемен и больше всего любит власть.

Александр боится видеть около себя талантливых людей: они могут только подчеркнуть его ничтожество. Поэтому он нарочно окружает себя бездарностями и негодяями. Подлость и ограниченность находят поддержку царя. Его министры ничем не отличаются от министров Павла. Могут ли дела государства идти хорошо, если Александр окружил себя такими людьми, как А. А. Аракчеев, кн. А. Н. Голицын, кн. П. М. Волконский, О. П. Козодавлев, гр. А. Д. Гурьев, кн. Д. И. Лобанов-Ростовский, кн. П. В. Лопухин? — спрашивает Бок. Этим лиц Бок называет лакеями, сводниками, шутами. Министры другого сорта стесняли бы Александра, а потому он приблизил к себе этих проходимцев. Всех талантливых людей он разогнал, боясь, что будет проигрывать от соседства с ними. Но без них он оказался бессильным. Нужно ли удивляться после этого, что чиновники вынуждены либо становиться мошенниками, либо уходить со службы? А при таких условиях в делах наступает полная анархия.

Александр в начале своего царствования предпринял некоторые шаги к улучшению положения крестьян и обещал сделать больше, пишет Бок. Но он оказался обманщиком в этом деле, как и во всем. Бок пытается раскрыть сущность обмана Александра в постановке крестьянского вопроса. Он пишет: царь «использует освобождение крестьян только в качестве повода, чтобы подавить единственный класс, который до сих пор сопротивлялся проявлениям тирании». Эти слова объясняют понимание Боким политики Александра в крестьянском вопросе. Царь пугает дворянство своими якобы намерениями освободить крестьян. Дворяне боятся этого и потому готовы повиноваться даже деспоту, лишь бы крестьяне оставались крепостными. Так Александр, играя на страхе дворянства перед возможностью уничтожения крепостного права, укрепляет свою деспотическую власть.

Конечно, Бок преувеличивает самостоятельность власти Александра (в одном месте Записки он пишет: «монарх в такой же мере не может быть главой аристократической партии, как он не может быть главой демократической»). В действительности Александр во всей своей политике мог опираться только на дворянство. Его политика в крестьянском, как и во всех других вопросах, отражала интересы дворянства. Но Россия была деспотическим государством, и власть царя была огромна. Дворянская масса представляла себе власть монарха как некую самостоятельную силу, полагая эту самостоятельность в качестве имманентного свойства монархической власти. Лишь немногие знали истинные ее пределы (из лиц, близких Александру, на-

пример, гр. П. А. Пален, без помощи которого Александр никогда не занял бы престола, хорошо знал, чего стоит «самостоятельность» власти монарха; быть может, именно поэтому его и постигла быстрая опала). Александр знал, что в глазах тысяч русских душевладельцев, далеких от знакомства с тайнами петербургского двора и не догадывавшихся, в какой степени зависимости от них находится самодержец, он окружен ореолом почти божественной силы. Он это знал и разговорами об освобождении крестьян подавлял сопротивление дворянства его деспотической власти. Бок был хорошо осведомлен о закулисной стороне жизни Зимнего дворца, а потому иллюзий, питаемых дворянской массой, разделить не мог. Он правильно разгадал приемы управления Александра, хотя и преувеличил самостоятельность его власти.

Бок был профессиональным военным и в военном деле, как можно судить по его биографии, понимал толк. Нет поэтому ничего удивительного в том, что характеристике Александра, как военного, он уделил в Записке довольно много места. Характеристика Бока убийственна. Царь, подобно своему отцу и деду, имеет несчастье считать себя военным. Все, что есть в русской армии возмутительного, должно быть отнесено за счет этого печального заблуждения. Александр сделал из превосходной русской армии коллекцию игрушек, которыми забавляется на парадах. Страсть царя к парадам неудивительна, ибо парад есть «торжество ничтожества». Царь не понимает, что на парадах он разыгрывает роль шута, принимая вид полководца, выигравшего сражение. Лыстецы поддерживают в нем убеждение, что парады — «основа всего общественного порядка, процветания народа и даже религии», пишет Бок.

В качестве примера страсти Александра к мелочам строевой службы, которая ему кажется основой основ военного дела, Бок останавливается на пребывании Александра в Риге. Бок пишет, что царь изругал целую дивизию и отдал приказ, выставивший его в смешном виде перед всей Европой. Повидимому, Бок имеет в виду приказ Александра командиру дивизии ген.-лейтенанту Гельфрейху по поводу парада в Риге, где царь был в октябре 1816 г. В приказе делались замечания двум полкам дивизии и перечислялись вины этих полков, заключавшиеся в незначительных отступлениях от столь же незначительных мелочей военной службы. Приказы эти могли бы исходить от командира полка, но никак не от императора⁶⁶. Бок с ядовитым остроумием перечисляет все «дела» Александра в Риге, столь же «значительные» как и те, по поводу которых был издан приказ по войскам. Царь обедал, «узнал за жарким, что новый тариф лишен здравого смысла, пил чай, танцевал, сел в карету со своим лакеем, загнал несколько дюжин почтовых лошадей и

⁶⁶ Н. К. Шильдер, Император Александр I, его жизнь и царствование, т. IV, стр. 62—63.

написал маркизу Паулуччи, что он нашел Лифляндию в цветущем состоянии. Бедные лошади!»

Последствия парадомании Александра не замедлили сказаться во время войн с Наполеоном. Три неудачи русской армии Бок приписывает Александру, так самонадеянно считающему себя полководцем. Эти неудачи таковы: сражение при Аустерлице, Дрисский лагерь и сражение при Бауцене. Бок не раскрывает никаких подробностей участия Александра в этих военных операциях и не дает никакой характеристики его руководству при их проведении. Но Бок явно считает, что ответственность за эти неудачи ложится на царя. Боку, очевидно, была известна роль Александра и в Аустерлицком сражении, и в поддержке порочной идеи Фуля о Дрисском лагере, и в сражении при Бауцене. Эти три операции дорого обошлись русской армии, расплачивавшейся за бездарность царя. Бок считает, что только в тех случаях, когда Александр действовал не самостоятельно, а следовал советам других, его поведение заслуживает похвалы.

Бок пишет, что Александр ненавидит всех, кто хорошо послужил родине в 1812 г., за то, что они напоминают ему о его собственном бесчестии. Александр ни в какой мере не является организатором побед России в 1812—1814 гг. Слава поражения Наполеона должна быть приписана народу и руководившему им дворянству, а никак не царю, который оказался бессилем парализовать волю народа к победе. Если бы Александр все же, несмотря на требование народа продолжать войну с Наполеоном до победы, заключил мир, русские посчитались бы с ним так же мало, как испанцы с Байонским миром. Александр так упал в глазах России, что достаточно было бы этого шага, чтобы вызвать взрыв негодования в народе. Страна ценою крови и жертв отстояла свободу и независимость. «Мы не потерпим, однако, — пишет Бок, — чтобы его величество, который всем, вплоть до насущного хлеба, обязан щедрости нации, обращался с этой нацией в целом так, как его отец пытался обращаться с отдельными лицами».

Суровый приговор полководческим качествам Александра, заключенный в Записке Бока, основан, очевидно, на личных впечатлениях Бока и на тех не более лестных отзывах о царе во время войны, которые в армии имели широкое хождение. О степени распространения этих отзывов можно судить по столь авторитетным в данном вопросе источникам, как письма Екатерины Павловны Александру, написанные в 1812 г. В письме от 5 августа она писала: «Ради бога, не принимайте командования на себя, так как необходимо немедленно назначить такого полководца, к которому войска испытывают доверие, а вы не можете внушить никакого». В письме от 6 сентября она с беспощадной откровенностью сообщала о многих неприятных для самолюбия царя вещах. Она писала, что после взятия Москвы

раздражение и недовольство Александром дошли до предела. «Вас громко обвиняют, — читаем мы в этом письме, — в общем разгроме и общих разрушениях, даже в потере чести государства и вашей лично. Это говорит не один какой-нибудь класс, вас винят все... Я предоставлю судить вам о положении дел в государстве, главу которого презирают»⁶⁷.

Одновременно с этим письмом Александру писал муж Екатерины Павловны Георгий Ольденбургский. Его письмо по содержанию и тону ничем не отличалось от письма Екатерины Павловны. Георгий писал, что царя сурово осуждают, что затронута его честь, не говоря уже о славе, что его положение становится слишком критическим, чтобы об этом можно было молчать. В другом письме, отправленном через неделю, Георгий писал: «Как честный человек, я не могу советовать вам командовать армиями»⁶⁸.

Письма Екатерины Павловны и ее мужа достаточно красноречивы, чтобы их нужно было комментировать. Уже если в письмах, адресованных лично Александру, содержалась такая уничтожающая критика его полководческих качеств и так сурово осуждалось его поведение, то можно себе представить, что и как говорили об этом в армии. Высказывания Екатерины Павловны и Георгия не преувеличены: другие источники подтверждают чрезвычайное падение популярности Александра в 1812 г. Она не возросла и в следующем году — в лучах славы М. И. Кутузова совершенно померкло имя царя.

Важно отметить, что Бок не забыл действительно позорной роли царя во время последней войны с Наполеоном даже через четыре года после ее окончания. На Бока ореол славы Александра, приписанной ему услужливыми придворными после окончания войны, не произвел никакого впечатления. Бок не поддался воздействию хора похвал царю, громко звучавшего во всей Европе. Он был одним из тех, кто хорошо знал, кому обязана страна победой над Наполеоном, и не простил Александру его преступлений в период войны, не примирился с ним.

Развенчание личности Александра, с такой едкостью и силой произведенное Боком, было лишь одной стороной дела. Ему надобно было доказать также ненадежность оснований власти Александра, развеять пьезет перед ним, основанный на существовавшей в России традиции наследования монархической власти и освященный церковью. В аргументации этого своего положения Бок обнаружил такую же смелость, с какой он обрушился на личность царя.

По мнению Бока, Александр вовсе не так могущественен, как он сам об этом думает и хочет, чтобы думали другие. Объ-

⁶⁷ Вел. кн. Николай Михайлович, Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной, СПб, 1910, стр. 81, 83—84.

⁶⁸ Там же, стр. 266—267.

занность дворянства состоит в том, чтобы указать царю на шаткость и ненадежность его власти. Александр пришел к ней не по праву наследования, ибо оно было уничтожено явочным порядком, заявляет Бок, очевидным образом намекая на убийство Павла. Александр лишен возможности опереться и на принесенную ему присягу, так как религия не может иметь целью создавать гарантии всякого рода преступлениям — опять намек на то, что Александр занял престол, перешагнув через труп своего отца. А кроме того, есть клятвы, нарушать которые столь же почетно, сколь позорно их соблюдать.

Бок приводит два примера, иллюстрирующие это его положение. Он указывает на Дмитрия Донского, нарушившего верность татарскому хану, клятвенно обещанную его предшественниками. «Мы надеемся, что его величество не видит в Дмитрие мятежника», иронически замечает Бок. Другой пример относится уже к самому Александру. Поведение Александра по отношению к Наполеону было изменчивым: сначала царь предал его анафеме, потом заключил с ним союз, а потом снова объявил его врагом и злодеем. Бок уверен в том, что нарушение обещаний, данных Александром Наполеону в Тильзите, ни у кого не может вызвать порицания. Напротив, эту клятву нарушить почетно. И Бок надеется, что Александр, не имея силы предпочесть смерть позору соглашения с «гнусным злодеем», втайне поклялся в Тильзите в вечной ненависти к нему.

Итак, поведение самого Александра по отношению к Наполеону является доводом в пользу того, что клятвы никого не связывают. Более того, Александр явился клятвopреступником и по отношению к своим подданным: он нарушил свое торжественное обещание царствовать «следуя законам Петра I и чувствам Екатерины II», как пишет Бок, имея в виду, конечно, известный манифест царя, изданный им при вступлении на престол. Это обещание нарушено: царь управляет страной не на основе законов справедливости и благоразумия, гарантированных им при воцарении, а деспотически. Нарушение царем своей клятвы дает основание его подданным чувствовать себя свободными от присяги, принесенной ему. К тому же они присягали царю, пришедшему к власти не по праву безусловного наследования деспотов. Это соображение еще более позволяет подданным царя не считать себя связанными присягой. Следовательно, делает Бок отсюда вывод, «наши обязанности верноподданных покоятся на свободном соглашении». К такому заключению мог притти только человек, решительно отрицающий божественное происхождение монархической власти, а Бок, как это уже выяснено раньше, отрицал этот догмат.

Такова характеристика Александра, данная Бокom в его Записке. Если Бок питал какие-либо иллюзии на счет царя в прошлом, то, очевидно, ко времени составления Записки они совершенно и окончательно рассеялись. Острота памфлета Бока

увеличивается оттого, что в нем что ни слово, то правда. С удивительной меткостью подмечены Боком те качества Александра, которые, быть может, и многим были известны, но о которых говорить без всяких обиняков, да еще в лицо самому царю, немногие могли решиться. Записка, в той ее части, которая касается Александра, не дружеское, хотя и откровенное послание, не наставление царю как изменить свой характер, сделанное человеком, надеющимся, что его послушают. Так говорить о царе, как это сделал Бок, мог только убежденный, принципиальный враг деспотизма.

Ужасающее состояние России, изображенное Боком, представляется ему порожденным вовсе не только и даже не столько совершенной непригодностью и неспособностью правящего монарха. Бок знает, что дело не в личности царя, что в стране, где воля царя является единственным законом, царь никогда и не сможет заслужить одобрения дворянства и всей нации. Корень зла не в личности царя, а в том, что государственный строй в России основан на неограниченной власти деспота. Эскирсы Бока в историю русского самодержавия позволяют ему подтвердить свою мысль.

Бок вспоминает о царствовании Петра III и о его низложении Екатериной II. Для него ясно, что страна, в которой на престоле может оказаться монарх, предпочитающий рыболовную сеть и свою голштинскую клику тяжелым обязанностям правителя, страна, где низложившая мужа царица находит необходимым оправдывать свое поведение в особом манифесте, такая страна нуждается в порядке в благопристойности. Екатерина обеспечила дворянству безопасность от произвола и установила дворянские представительные учреждения. Но Бок считает, что все это носило формальный характер. Что дворянское законодательство Екатерины не изменяло положения дворянства по существу, доказывает политика Павла. Павел имел все-таки реальную возможность не считаться с законодательством своей матери и обращался с дворянством деспотически. Правда, он поплатился за это жизнью. Но все же он не поколебался занести руку над первенствующим сословием, обнаружив неуважение к его правам, установленным в предшествующее царствование. Какую же реальную силу имеют права, с которыми можно не считаться?

Другой исторический пример, к которому обращается Бок, должен, по его мнению, научить всякого, кто видит величайшее блаженство в том, чтобы слепо повиноваться дому Романовых. Бок напоминает о сенатском указе 30 августа 1743 г., по которому за непочтительные отзывы об императрице и за выраженное в частных разговорах сожаление по поводу изгнания Б. Миниха, А. И. Остермана и М. Г. Головкина ряд людей был приговорен к смертной казни, замененной по повелению царицы наказанием кнутом и вырыванием языка. Этот пример в глазах

Бока настолько выразителен, что Бок не считает нужным проводить его какими-либо комментариями.

Таково основное содержание первой части Записки Бока. Нарисованная им картина состояния России мрачна. Необузданный произвол Александра, не признающего никакого ограничения своей воли и опирающегося при этом на пример своих предшественников, коррупция государственного аппарата, запутанность в делах государственного управления, тяжелое экономическое положение страны, неразрешенность крестьянского вопроса при постоянной угрозе крестьянского восстания, вырождение армии — таков печальный удел великой нации, имеющей право на существование, достойное ее заслуг перед всем миром, но скованной цепями рабства.

Достаточно ли всего этого, чтобы Бок обратился к мысли о необходимости введения в России конституционного правления, которое одно только и может, по его мнению, покончить с существующим злом и удержать страну от гибели? Нет, недостаточно. Чтобы до конца выяснить причины, толкнувшие Бока на его выступление, нужно обратиться к следующим его высказываниям.

«Мы живем в весьма замечательную эпоху, — пишет Бок. — Весь земной шар от полюсов до экватора, от берегов Перу до стены древнего и неизменного Китая находится в брожении. Можно было бы подумать, что бог пересматривает дела своего творения и что он дает новый образец решительно всему, от затаенных мыслей отдельного человека до наиболее важных общественных учреждений». Не может подлежать сомнению, что за этим поэтическим образом кроется признание серьезнейшего значения недавних событий, потрясших весь мир. Какие это события? Французская революция, наполеоновские войны и посленаполеоновские изменения в политической жизни Европы. Эти события прервали спокойное течение жизни мира и внесли в нее такие перемены, которые открыли собой новую страницу мировой истории.

Россия не может остаться в стороне от этих перемен. Русские не могут быть посторонними зрителями совершающихся событий. «Кризис задел и нас» — пишет Бок. Россию он рассматривает в качестве государства, находящегося на магистрали мировой истории, а, следовательно, события мирового значения не могут пройти мимо нее. «Изменение старых форм происходит очевидным образом», утверждает Бок. Он верит в то, что на смену этим формам придут лучшие, но он хотел бы, чтобы это было достигнуто ценою наименьших жертв и заблуждений.

Итак, события мировой истории заставляют Бока ставить вопрос о русской конституции и добиваться его разрешения. Бок показал, что он великолепно понимает мировое значение событий, начало которых совпало с началом его жизни, но конец которых еще не наступил.

Последствия этих событий ликвидировать невозможно. Их нужно принять, а приняв, внести соответствующие изменения в государственный строй России.

Но создавшаяся международная обстановка беспокоит Бока и по другому, совершенно конкретному поводу. Он не верит в то, что Священный союз является гарантией мира и спокойствия в Европе. Он убежден, что мир может быть легко нарушен, и Россия явится жертвой возможной войны. Как это может произойти?

Если происходившие в прошлом России узурпации престола сходили с рук, то только потому, что претендовал на престол кто-нибудь один. А что было бы, если бы появилось несколько претендентов? Россия всегда управлялась только волею царя и управляется ею до сих пор. Твердого конституционного порядка, устанавливающего принцип наследования верховной власти и пределы этой власти, в ней не было и нет. Значит, узурпации престола возможны и сейчас. Если Александр умрет внезапно, то нет ничего невероятного в том, что начнется борьба за престол, т. е. гражданская война. Воспользовавшись ею, Швеция, Польша, Турция, Иран, германские государства нападут на Россию, и Священный Союз не только не помешает такому нападению, но и сам примет в нем участие.

Эти соображения являются в глазах Бока дополнительным и при том немаловажным аргументом в пользу конституционного строя. Обладая конституцией, Россия будет иметь меньше шансов стать объектом агрессии со стороны других государств. Мирной политике Священного союза Бок не придает никакой веры*.

Прежде чем перейти к рассмотрению содержания конституционных предложений Бока, остается решить вопрос о способе реализации этих предложений.

Как уже было сказано, Бок считал необходимым созыв органа, функции которого, как можно судить по Записке, совпали бы с функциями Учредительного собрания. Об этом Бок говорил, когда касался крестьянского вопроса. Во второй раз он упомянул об Учредительном собрании в конце первой части Записки, при чем сделал это в очень определенной форме. Бок заявил, что дворянство требует «созыва общего собрания выборных, чтобы совместно с другими классами выработать законы, так как мы их еще не имеем». С обычной для него едкой иронией он поясняет смысл последнего положения: указы, издан-

* Не могли ли послужить эти соображения Бока толчком к тому разговору Александра с Николаем по поводу престолонаследия, который произошел в следующем году? Полагать, что Александр впервые и только под воздействием слов, высказанных Бокон, пришел к мысли о необходимости упорядочить вопрос о престолонаследии, нет оснований. Но вполне возможно, что эти мысли Бока в общем контексте его Записки могли произвести впечатление на царя и заставить его принять решение по поводу назначения наследника.

ные то тираном, то слабоумным, то любимым истопником, то актрисой, то турецким брадобреем, то курляндским конюхом, то Аракчеевым, то Розенкампом, не являются законами. Такое «законодательство» создает только анархию, где не существует никаких моральных обязательств и где убивают, чтобы не быть убитыми.

Итак, должно быть созвано Учредительное собрание из выборных от дворянства, чтобы совместно с другими классами выработать законы. Остается неясным, из кого должно состоять Учредительное собрание. Что в нем, кроме выборных от дворянства, будут присутствовать и представители других сословий, это не подлежит сомнению. Но Бок не указывает, какие сословия будут представлены в нем.

Кроме того, Бок обходит молчанием вопрос о том, будут ли представители недворянских сословий в Учредительное собрание выбраны, или они войдут в него на основании какого-то иного принципа представительства, т. е. назначения, или кооптации.

Планы Бока относительно состава Учредительного собрания могут быть раскрыты на основании косвенных данных. Выше приводились отзывы Бока о русских крестьянах, свидетельствующие о ясном понимании им взаимной обусловленности экономических и политических интересов дворянства и крестьянства. Нет оснований полагать, что Бок исключал присутствие представителей крестьянства в Учредительном собрании.

Относительно мнения Бока по поводу представительства в Учредительном собрании третьего сословия можно судить по его характеристике этого сословия, высказанной им тогда, когда он говорил о русском крестьянстве. Бок выразил сожаление по поводу того, что в России третьего сословия не хватает. Необходимость же в нем есть: оно могло бы укрепить не только экономическое, но и политическое положение как других сословий, т. е. дворянства и крестьянства, так и всей страны в целом. Так, видимо, приходится понимать заявление Бока, что без третьего сословия «мы постоянно падаем в грязь». При таком отношении к третьему сословию невозможно допустить, чтобы Бок мыслил Учредительное собрание без представителей этого сословия.

Не вызывает и тени сомнения, что Бок полагал само собой разумеющимся присутствие в Учредительном собрании представителей духовенства. Его отношение к религии и духовенству заставляет говорить об этом с полной уверенностью.

Итак, Учредительное собрание созвано и приступает к выработке конституции, проект которой составляет вторую часть Записки Бока. Остается ответить еще на один вопрос: кто созывает Учредительное собрание — царь или представители нации? В самом конце Записки, уже изложив свой конституционный проект, Бок пишет: «Это новое устройство должно исходить от нации, а не от императора, так как при самых луч-

ших намерениях он ничего не смыслит в делах и не умеет даже выбрать людей, которые могли бы ему помогать». Эти слова не оставляют сомнения в том, что конституция, с точки зрения Бока, может быть выработана только Учредительным собранием. Но созывает Учредительное собрание монарх. Это положение с непреложной точностью следует из всех рассуждений Бока о революции и из разработки им в конституционном проекте вопроса о монархической власти. Иными словами, Бок допускает конституцию только октроированную.

Но тогда возникает вопрос: как же царь, уничтожающей характеристике которого Бок посвятил столько страниц Записки, может созвать Учредительное собрание и поручить ему составление конституции? Ведь для такого акта нужно, с точки зрения Бока, наличие хотя бы элементарной доброй воли. А Бок отрицает добрую волю в Александре. Что же может в таком случае заставить Александра октроировать конституцию?

На этот вопрос Бок не дает ответа и не дает его, вероятно, не потому, что вопрос не приходил ему в голову. Нужно думать, что для Бока вопрос был ясен, и он не считал нужным останавливаться на нем. А дело было, видимо, в полной убежденности Бока, что оппозиция его и людей, подобных ему, сломит деспотизм Александра, заставит его пойти на уступки и созвать Учредительное собрание. Бок не строил себе иллюзий по поводу того, что царь может внять голосу одного его, Бока. Более того, Бок был уверен, что его выступление обрушит на него гнев Александра. Он сознательно шел на это, видя в себе жертву, принесенную во имя блага отечества. «Всегда нужны жертвы, прежде чем победа будет достигнута», писал он в заключении Записки. Но такая жертва не пройдет бесследно: она будет примером для других. Пусть погибнет сам Бок, пусть его участь разделят другие, но победа все-таки будет достигнута. Это и была, с точки зрения Бока, борьба с деспотизмом.

Так рассуждал типичный представитель дворянской оппозиции. Нигде в Записке Бок не обнаружил с такой очевидностью всей своей дворянской ограниченности, как в этом ходе мыслей. Готовность Бока на жертвы, его гражданское мужество, его безусловная честность не могут скрыть ограниченности его политико-философского мировоззрения, столь характерной для представителей дворянской оппозиции. Бок — отнюдь не дворянский революционер. Чтобы вступить на путь революционной борьбы с самодержавием, следовало еще многое увидеть, что оставалось скрытым от взора Бока, с многими людьми столкнуться, общения с которыми он был лишен. Никто не может сказать, как сложилось бы в дальнейшем политическое мировоззрение Бока, если бы не оборвалась его жизнь через несколько недель после написания Записки. Но ко времени ее

отсылки Александру Бок еще не поднялся выше, пусть смелого, горячего, убежденного, но все же только оппозиционера.

*

Первые статьи своего конституционного проекта Бок посвящает разработке вопроса о том, какое место должна занимать религия в проектируемом им государстве. Очевидно, что этот вопрос представлялся Боку самым важным из всех, относящихся к конституции — иначе он не отвел бы ему первого места в своем проекте. Внимание, уделяемое Боком религиозным вопросам (этому предмету посвящены 6 первых статей из 52, на которые распадается весь проект), не вызывает удивления — выше уже говорилось о его чрезвычайной религиозности и о религиозно-философской основе его мировоззрения. Очевидно, Боку казалось более важным сначала изложить религиозно-моральные принципы мыслимого им конституционного государства, чем говорить о политических и социальных основах его.

О взглядах Бока на религию, на место религии в жизни государства, на вопросы религиозной терпимости, о том, какое содержание Бок вкладывал в понятие «господствующая церковь», о его требовании независимости духовного сословия, иными словами, обо всех вопросах религиозной (церковной) политики — была уже речь раньше (см. стр. 40), ибо они неотделимы от вопроса о религиозно-философской основе его общего мировоззрения. Раскрытие взглядов Бока на религию, произведенное не в плане анализа его философской концепции, а в связи с социально-политическими принципами его конституции, не дает нового по сравнению с тем, что уже было сказано о его религиозных взглядах. Только одна подробность, связанная с религиозными взглядами Бока, устанавливается им, когда он в своем проекте говорит о правах и обязанностях населения. «Никакой человек, — провозглашает Бок, — как бы его ни звали, не может находиться в России в положении, несовместимом с принципами религии». Иными словами, атеист не может быть гражданином России и должен подвергнуться изгнанию из ее пределов.

Политическое устройство России мыслится Боком как конституционно-монархическое. «Россия должна управляться династией», — пишет Бок и прибавляет: «Государь лучше тирана». Никакой аргументации в пользу преимущества монархического устройства по сравнению с республиканским в проекте Бока нет. Он или не предвидел возражений против категоричности тезиса о монархии, или сознательно не допускал их, и потому не привел в пользу монархии ни единого довода. Не следует забывать, что проект Бока разрабатывался им в 1818 г., т. е. тогда, когда идея республиканизма не проникла даже в круг декабристов. Монархический принцип в одинаковой мере тяготел еще над декабристами и Боком.

Но монарх в проекте Бока наделен столь ограниченными правами, что он скорее напоминает президента республики, чем государя. Единственные права, которыми Бок наделяет монарха, — право законодательной инициативы и право назначения должностных лиц. Законодательное собрание может только просить монарха о предложении законов, само же оно правом законодательной инициативы не обладает. Во всем остальном монарх ничем не отличается от президента республики.

Бок, в полном согласии с своими религиозными убеждениями (вспомним, что он говорил о святости религии и о недопустимости делать из религии орудие политики), отрицал божественное происхождение монархической власти. Об этом он говорил в первой части своей Записки, эту же мысль высказал в статьях своего проекта: «Государь царствует на основании закона, стоящего выше его. Имя бога не должно быть упоминаемо всеу», т. е. закон, а не бог, является источником власти монарха. «Монарх есть только средство, а не цель», он — слуга государства, он ответственен за свое поведение — провозглашает Бок. В проекте Бока не указывается, перед каким органом несет ответственность монарх, так же как отсутствует и указание на то, кому принадлежит право привлечения его к ответственности. Но самый принцип ответственности устанавливается Боком с полной определенностью. Более того, монарха можно арестовать, если он «предается постыдным страстям», пренебрегает своими обязанностями или «совершает ошибки». Неопределенность понятия «совершает ошибки» — самая формулировка эта кажется несколько наивной — не позволяет установить точно случаи, когда монарх может быть не только лишен власти, но даже свободы. Но тем не менее и здесь налицо отрицание суверенитета верховной власти. При таких чрезвычайных ограниченных правах монарха кажется непонятным положение Бока о том, что личность монарха «священна». Очевидно, Бок этому понятию придавал какое-то очень ограничительное толкование.

Говорить о том, что монарх в проекте Бока почти не отличается от президента, позволяют и другие статьи проекта, относящиеся к установлению прав верховной власти. Пределы власти монарха меняются в зависимости от обстоятельств, и время наступления этих обстоятельств определяется не им самим, а законодательным собранием. Эта мысль отчетливо выражена Боком в следующей статье его проекта: «В чрезвычайных обстоятельствах нация предоставляет государю чрезвычайные полномочия». Суверенитет верховной власти начисто отвергается этой статьей, носящей вполне «республиканский» характер. Та же мысль об установлении пределов власти монарха представителями нации выражена Боком и в другой статье его проекта, гласящей, что монарх обладает полнотой власти лишь до тех пор, «пока он не нарушает прав какого-либо класса или определенного лица». Очевидно, что факт нарушения монархом прав целого класса или

даже лица устанавливается законодательным органом и им же решается вопрос о лишении власти монарха в случае такого нарушения.

Ограничение власти монарха и низведение его до положения «первого слуги государства» предусматривается и другими статьями проекта Бока. Бок требует точного разграничения государственного и личного бюджета монарха, он не допускает смешения личных средств монарха с государственными. Право составления государственного бюджета не принадлежит монарху. Не принадлежит ему и право установления количества вооруженных сил в государстве. На эти ограничения ясно указывает следующая статья проекта Бока: «В обычное время государь имеет определенное количество войска и денег, с помощью которых он должен удовлетворить потребности государства». Нельзя представить, что какой-либо другой орган, кроме законодательного собрания, мог определять сумму государственного бюджета и численность вооруженных сил. Монарх не обладает судебной властью, он только контролирует судей и имеет право смягчать судебные приговоры, «за исключением вынесенных за измену отечеству» — добавляет Бок.

В установлении ограничений власти монарха, отмеченных до сих пор, Бок отправлялся, как можно думать, от общих положений, выработанных государственным правом в его время. Пределы верховной власти, установленные проектом Бока, не имели в виду специфику русского самодержавия. Но несколько статей проекта Бока прямо подразумевали ограничение власти именно русского самодержца в тех ее формах, какие нашли выражение в практике управления Александра.

К таким статьям относится требование Бока установить неизменное местопребывание монарха. Совершенно очевидно, что Бок, вводя эту статью, имел в виду приобретшую печальную славу страсть царя к путешествиям. Зло, причиняемое вечными разъездами царя по России и Европе и без того медленному течению дел в громоздком бюрократическом аппарате александровской монархии, было ясно всем, и Бок не прошел мимо него. Он даже сделал к этой статье примечание, точно указывающее, против кого она направлена. В нем он писал, что более полугода не имеет ответа на поданное им Александру официальным путем официальное прошение. Начальник же канцелярии по принятию прошений уверял его, что в течение года он ни разу не имел аудиенции, тогда как за это время царь не пропустил ни одного парада.

Две другие статьи проекта Бока были продиктованы стремлением освободить политику монарха от влияния идей Священного союза. В одной из них Бок писал, что монарх ни под каким мыслимым предлогом не может ввести в отечество иностранную армию или вооружить иностранцев против своего народа или части народа. Такое мероприятие равносильно самой тяжкой из-

мене. Вопрос о вводе иностранных войск может решаться только законодательным собранием. Другая статья требовала от монарха соблюдения принципов национальной внешней политики, по существу отрицавшейся, как известно, постановлениями Священного союза. В этой статье (частью уже служившей предметом предшествующего рассмотрения) говорилось, что монарх имеет полную власть до тех пор, пока он не нарушает «достоинства и прав отечества по отношению к иностранным государствам» (разрядка моя — А. П.). Можно не сомневаться, что Бок, настаивая на этом условии, отталкивался от политики Священного союза. Здесь его мысли совпадают с тем, что говорили по поводу Священного союза декабристы. П. Г. Каховский, например, вынужден был с горечью признать, что иностранцы смотрят на русскую армию, как на «резерв деспотизму Священного союза» (письмо Каховского из крепости ген. В. В. Левашеву)⁶⁹.

Ограничение прав монарха, какое устанавливал в своем проекте Бок и какое по существу приравнивало монарха к президенту республики, плохо согласовалось с принципом наследственности монархической власти, установленным в проекте. Когда Бок говорил, что «воспитание государей подчиняется закону», он мог предполагать только воспитание несовершеннолетнего монарха, т. е. наследника престола. Следовательно, вводя эту статью в конституцию, он думал не о выборном, а о наследственном монархе. Другая статья конституции Бока говорит об этом еще определеннее: «Россия должна управляться династией». Как сочетать принцип наследственности монархической власти с установлением такого ограничения ее, при котором монарх может быть лишен власти (и даже свободы), осталось в проекте Бока не разъясненным. Ни слова не сказал Бок и о самом порядке наследования власти.

Законодательная власть в стране, по мысли Бока, принадлежит законодательному собранию. Оно состоит из выборных от нации, регулярно собирающихся на общие собрания. Законодательное собрание обладает всей полнотой законодательной власти (исключая, как уже было сказано, права законодательной инициативы): «никакой закон, — читаем мы в проекте Бока, — не может иметь силы без одобрения его нацией». Бок счел необходимым подчеркнуть, что это относится и к законам, вводящим новые налоги.

Из всех разделов проекта Бока раздел о законодательной власти оказался наименее разработанным. Сказанным исчерпывается все то, что Бок счел нужным сказать по поводу организации законодательной власти. Он обошел молчанием такие вопросы, как избирательное право, периодичность созыва законодательного собрания, право вето, однопалатность или двухпалат-

⁶⁹ Из писем и показаний декабристов, под ред. А. К. Бороздина, СПб, 1906, стр. 14.

ность законодательного собрания, процедура прохождения закона, порядок голосования в законодательном собрании и т. д. Явное невнимание Бока к вопросам организации законодательной власти бросается в глаза при первом же знакомстве с его проектом. Отсутствие всяких указаний к объяснению причин такого невнимания дает возможность лишь констатировать то, что для Бока вопросы организации законодательной власти казались не столь важными, как вопрос о верховной власти и о гражданских правах населения, разработанные им подробнее первого. Но это лишь констатация и ни в какой мере не объяснение. Возможно, что Бок относил разработку этих вопросов к компетенции самого законодательного собрания.

Социальный вопрос решается в проекте Бока следующим образом.

Бок устанавливает для всего населения одинаковость гражданских прав: все «пользуются одинаковым покровительством законов и одинаковой гражданской свободой». Следовательно, Бок отрицал привилегии, связанные с политическим положением какой-либо социальной группы. Но полного равенства — политического и имущественного — Бок не допускал. «Нация, — заявлял он, — в целях собственной выгоды, разделена на классы...» Возникает вопрос: на какие классы разделена нация и в чем отличие одного класса от другого?

Номенклатуры классов (сословий) Бок не дает, исключая духовенства и дворянства. О дворянстве, употребляя именно этот термин, Бок говорит в двух статьях своего проекта. Но особое положение дворянства, подчеркиваемое Боком, определяется им не в силу того, что оно обладает какими-либо особыми правами и преимуществами. Бок об этом не говорит ни слова. Он, считая необходимым выделить дворянство в особую социальную категорию, имеет в виду не политические и экономические преимущества дворянства, а его моральную и культурную силу. Дворянство, — гласит одна из статей проекта Бока, — «не позволяет стать государям деспотами, оно является хранителем национальной чести». Эта функция дворянства не может не рассматриваться как функция чисто моральная, ибо юридическое ограничение власти монарха устанавливается статьей проекта Бока, говорящей о том, что никакой закон не может иметь силы без одобрения его нацией. Что Бок придавал только моральную силу признаваемому им особому положению дворянства по сравнению с другими классами и сословиями, подтверждает та статья его проекта, где говорится, что «дворянство является средством к достижению всеобщего благосостояния, но само по себе не есть цель». Чтобы не оставалось никакого сомнения в таком именно толковании его идеи, он прибавляет: «Различия между классами должны соответствовать их нравственности».

Итак, категория дворянства мыслится Боком не в качестве сословия, обладающего политическими и экономическими пре-

имуществами, а лишь как такая социальная группа, которая может и должна занять особое положение только вследствие своего морального и культурного превосходства над всеми другими.

Не допуская существования для дворянства политических и экономических привилегий, Бок не может, естественно, допустить и какой-либо дифференциации по политическим и экономическим признакам внутри дворянства. «Дворянство империи едино», провозглашает Бок. «Оно образует сословие, которое объединяет разнородные части империи». Аристократические тенденции, которые могли бы привести Бока к мысли о выделении какой-либо руководящей группы внутри дворянства, были совершенно ему чужды.

Как было отмечено, Бок вводит в свой проект только две сословные категории — духовенство и дворянство. В проекте нет упоминания ни о третьем сословии, ни о крестьянстве, как нет и попытки определить функции и место этих сословий хотя бы даже так суммарно, как это сделано Боком в отношении духовенства и дворянства. Между тем в первой части Записки Бок несколько раз говорит о крестьянстве и третьем сословии. Конечно, он не отрицал сословного (классового) деления общества — «нация, в целях собственной выгоды, разделена на классы». Кроме того, в одной из статей проекта прямо говорится: «Низшие классы пользуются неограниченной свободой образования». Но не подлежит сомнению, что Бок отрицал сословные привилегии, т. е. прежде всего дворянские привилегии: «каждый из них (т. е. классов) пользуется одинаковым покровительством законов и одинаковой гражданской свободой», провозглашал он. «Знание уравнивает право занятия должностей», заявлял он в другой статье своего проекта.

Вопрос о правах и обязанностях крестьянства и третьего сословия, так же как вопрос о взаимоотношениях всех сословий оказался в проекте незатронутым вовсе.

Самый острый вопрос — аграрно-крестьянский — в проекте Бока нашел лишь еле уловимое отражение. Об освобождении крестьян в проекте вообще ничего не сказано (все, что Бок нашел нужным сказать по этому поводу, он изложил в первой части Записки). Что касается вопроса о земле, то о планах решения его Боком можно только догадываться на основании одной статьи его проекта, столь же краткой, сколь и невразумительной. «Всякий является хозяином своего дома и своей земли» — такова эта статья. Она дает основание думать, что Бок предполагал наделение крестьян землей. Не имело смысла провозглашать право собственности на землю для тех, кто им и так обладал, т. е. для дворян. Вряд ли Бок ставил перед собой цель этой статьей застраховать дворян-землевладельцев от покушений на их земельную собственность со стороны монарха: русские самодержцы вообще отваживались на такие покушения в исключи-

тельных случаях, а, кроме того, эта опасность при том ограничении прав монарха, какое вводилось Боком, совершенно отпадала.

Самая краткость и неясность статьи, о которой идет речь, подтверждает мысль, что Бок предполагал наделение землей крестьян. Если бы он думал о неприкосновенности дворянской земельной собственности, он мог бы сказать об этом полным голосом. Имея же в виду наделение землей крестьян, он, в силу чрезвычайной остроты вопроса, с нарочитой целью облек свою мысль в такую неясную форму: ему не могло не быть известно, какую бурю в дворянских кругах вызовет прямое требование предоставления крестьянам права земельной собственности. Теми же соображениями следует объяснить и полное умолчание о размерах крестьянских наделов и способе их получения крестьянами. Ведь Бок писал свой проект не для единомышленников, не для членов Тайного общества, как Н. М. Муравьев или П. И. Пестель, а для людей, бывших совершенно чуждыми ему по убеждениям. Поэтому он не мог не быть сдержанным.

Основы гражданских прав населения установлены в проекте Бока, если и недостаточно полно, то во всяком случае с определенностью, исключающей необходимость догадок и предположений. Бок провозглашает свободу слова и печати, но с ограничениями. «Каждый может думать согласно своим убеждениям и говорить то, что он думает. Преследуется только ложь и призыв к бунту», — говорит он. Любопытна мысль, что ложь есть преступление не только против нравственности. С точки зрения Бока, она должна преследоваться не только нравственными, но и гражданскими законами. Провозглашением свободы слова Бок хотел снять печать рабьего молчания с уст подданных российской самодержца. «Россия нуждается в гражданах, она имеет слишком много рабов» — так объясняет он необходимость введения свободы слова.

Ограничения свободы печати в проекте Бока более сильны. Она «в первые сто лет» допускается только в отношении положительных наук и обличения несправедливости. «Но пока чернь принимает на веру всякое печатное слово, — пишет Бок, — цензура необходима». Эта оговорка хорошо показывает степень «демократизма» Бока. Нет-нет, да и проглянет в нем настоящий дворянин, столь же, если не больше, далекий от народа, как и его современники — декабристы.

Другие гражданские права населения, вводимые проектом Бока, состоят в праве каждого делать все, что не нарушает общественного порядка и в неограниченной свободе образования для всех. Бок считает, что правительство преобразованной по его проекту России должно широко поощрять развитие науки и искусства, так как последние являются основанием цивилизации. Он считает необходимым уничтожить все ограничения в распространении книг по современной истории и политике, существующие в настоящее время.

Проект Бока устанавливает также выборность всех судов, безусловную гласность уголовного и гражданского судопроизводства и всех действий правительства, устраняет присвоение административной властью судебных функций, допуская наказание только по судебному приговору, вводит ответственность всех должностных лиц перед судом и приравнивает нарушение закона к государственным преступлениям. Реформированное по проекту Бока государственное устройство России превратило бы ее в буржуазную монархию.

В проекте Бока нашли отражение его взгляды на два сильно волновавшие его вопросы — положение иностранцев и организация армии. Уделив этим вопросам много внимания в первой части Записки, он не мог не остановиться на них и в проекте конституции. Вопрос об иностранцах Бок связал с национальным вопросом. В проекте Бока он решается таким образом.

Бок заявляет, что иностранцы могут быть допущены только к занятиям наукой. Отличившиеся офицеры могут быть приняты в армию. Следовательно, круг деятельности иностранцев чрезвычайно ограничен. Бок не допускал их к занятию государственных должностей, к педагогической работе, к работе в промышленности и т. д. Патриотизм Бока не мирился с засилием иностранцев во всех областях жизни, принявшим в александровское царствование, как известно, широчайшие размеры. Бок, ограничивая сферу деятельности иностранцев только наукой и военным делом, рассчитывал, очевидно, что в России хватит людей для выполнения всей той работы, которая много лет являлась привилегией иностранцев. Он не указал, правда, на какие должности в армии могут быть приняты иностранцы. Но судя по тому, что в соответствующей статье его проекта говорилось об отличившихся офицерах, можно думать, что он имел в виду не руководящие должности.

Но кого Бок считает иностранцами? Понятие иностранец толкуется Бокон очень расширительно, гораздо шире, чем это было принято в юридической и бытовой практике его времени. Иностранцами он считает, кроме иностранных подданных, также и лиц не христианского вероисповедания. Таким образом, все живущие в России нехристиане являются иностранцами и в качестве таковых ограничены в правах наравне с иностранными подданными. Это положение распространяется, следовательно, на такие нехристианские народы России, как татары, башкиры, мусульмане Кавказа и Азии, евреи, караимы и т. д. Относительно евреев Бок делает даже особую оговорку; он пишет, что они не имеют гражданского равноправия вне своих общин, сопровождая это заявление враждебными выпадами против евреев.

Таковы взгляды Бока на национальный вопрос. Они заставляют говорить о заметном националистическом налете на его общем мировоззрении. Если бы Бок не сделал специальной оговорки относительно евреев, по характеру своему явно антисемит-

ской, можно было бы говорить о том, что он подчинил решение национального вопроса религиозному принципу. Но оговорка относительно евреев никаких намеков на религию не заключает. Следовательно, приходится признать наличие явных националистических установок в способе решения Бокон национального вопроса.

Что касается организации армии, то по этому вопросу Бок высказал несколько положений, вполне совпадающих с теми мыслями, которые он с такой горячностью развивал в первой части Записки. В проекте Бок иностранные войска и наемники не допускаются. «Существует сильная армия, составленная из сынов отечества», — заявляет Бок. По всем признакам, под «сынами отечества» Бок подразумевал не только дворян. Его суждения о русских крестьянах позволяют утверждать, что это почетное наименование Бок распространял и на них. О способе комплектования армии Бок не сказал ничего.

Остается рассмотреть последний вопрос из числа тех, которые были затронуты в проекте Бок — вопрос о задачах внешней политики. Отечество неделимо, иначе ему грозит опасность потерять независимость, как это случилось с Русью во времена Ярослава. Только потому, что Ярослав мог разделить Русь, она в течение двух веков была добычей татар. Но Россия не должна и увеличиваться в своих пределах, говорит Бок. Агрессивные намерения не могут руководить действиями ее правительства. Александр вызвал справедливое, по мнению Бок, подозрение Европы, включив в состав России Финляндию, Польшу и Бессарабию. Это создало опасное положение для России в области международной политики. Бок склонен расценивать всякое приращение территории России как акт насилия, не ставя задачи дифференцировать внешнеполитические действия правительства на вызванные исключительно агрессивными целями и на такие, которые продиктованы соображениями национальной безопасности. Армия, в глазах Бок, никак не может быть орудием насилия, она должна служить только делу защиты отечества от насилия.

*

Записка 1818 г. — последний написанный Бокон документ, имеющий общественно-политическое значение. Менее чем через два месяца после написания Записки он волею царя был брошен в каземат Шлиссельбургской крепости. Через девять лет он был выпущен из одиночного заключения в состоянии помешательства. Рассудок не вернулся к нему вплоть до его смерти, наступившей в 1837 г. За время пребывания в крепости и после него от Бок не осталось ничего, кроме писем семейного характера и прошений, обращенных к официальным лицам. Никаких документов, схожих по своему содержанию с Запиской 1818 г. и другими, более ранними сочинениями, Бок уже не был в состоянии написать. 1818 год есть год его гражданской смерти.

Следовательно, если попытаться определить место, занимаемое Боком в истории русской общественно-политической мысли, это можно сделать только оперируя фактами и явлениями, возникшими до 1818 г. Сопоставление и сравнение политической идеологии Бока с тем, что дала общественно-политическая мысль в последующее время, противоречило бы элементарным требованиям историчности.

Совершенно естественно сравнение политической программы Бока с программами декабристских тайных обществ на той стадии формирования этих программ, которая падает на 1816—1818 годы. С декабристами Бока роднит ненависть к крепостному праву и деспотизму, готовность к борьбе с тем и другим, действенная любовь к родине, отчетливое сознание крупнейших социально-политических перемен, уже совершившихся и совершающихся во всеевропейском масштабе, отношение к народу, как к субъекту, а не объекту исторического процесса, отрицание политического и юридического неравенства различных социальных категорий. Эти идеи легли в основу программ декабристских тайных обществ с самого начала их существования. Они же сплотили членов Союза спасения, поскольку можно судить на основании дошедших до нас отрывочных и не всегда ясных сведений о нем.

Разработка этих идей, в применении к конкретным задачам политической борьбы, в программе Союза спасения была, опять-таки сколько дают возможность говорить скудные сведения об этой организации, суммарной. По своей определенности, широте и разработанности отдельных частей она уступала программе Бока. В этом отношении Записка Бока — документ более зрелый, чем программа первой декабристской организации.

Объяснение этой зрелости нужно искать в различии обстоятельств составления обеих программ. Бок был одинок. Ему не приходилось ни с кем спорить, ни перед кем отстаивать свою правоту, ни преодолевать ничьего сопротивления. Он имел дело только с самим собой и мог доводить свои мысли до конца, определяемого его собственным политическим сознанием и совестью. Союз спасения же представлял собой довольно пеструю организацию, в которой были люди разных убеждений и взглядов. Часть из них стояла, как известно, на очень умеренных позициях, оставаясь далеко позади Бока. Учредителям Союза спасения приходилось с этим считаться и потому ограничиться в изложении программных требований этой организации лишь общими положениями, равно приемлемыми для всех ее членов. Вряд ли можно сомневаться в том, что И. Д. Якушкина, М. С. Лунина, П. И. Пестеля расплывчатость программных требований Союза спасения мало удовлетворяла. В отношении политической зрелости эти декабристы не уступали Боку.

Бок послал свою Записку царю. Этим он подчеркивал, что мысль о революции для него осталась чуждой (о своем отрицании революции он говорил и в самой Записке). Но ведь и члены

Союза спасения не сразу пришли к мысли об организации тайного революционного общества. На первом своем допросе в Петербурге П. И. Пестель показал: «Первоначальное намерение общества было освобождение крестьян, способ достижения его — убедить дворянство сему содействовать и от всего сословия нижайше об оном просить императора»⁷⁰. А в ответах на вопросные пункты следственного комитета от 13 января 1826 г. он писал, что в Союзе спасения «с самого начала говорено было о желании даровать свободу крепостным крестьянам и для того пригласить большую часть дворянства к поданию о том просьбы государю императору. О сем было неоднократно и впоследствии повторяемо, но первоначальная мысль о сем была кратковременна, ибо скоро получили мы убеждение, что нельзя будет к тому дворянство склонить»⁷¹. Из этого показания с полной определенностью следует, что хотя мысль об обращении к царю и была кратковременной, но все же в самом начале существования Союза спасения члены его возвращались к ней не раз. Оставлена эта мысль была, как показывают слова П. И. Пестеля, не потому, что члены Союза спасения поняли безнадежность подобных обращений, и, поняв это, пришли к мысли революционной борьбы, а потому, что убедились в невозможности «к тому дворянство склонить».

Известно, что вопрос о монархическом или республиканском характере конституции России являлся предметом долгих споров в Союзе спасения. Большинство его членов длительное время придерживалось монархических взглядов. Единственным исключением являлся М. Н. Новиков, бывший убежденным республиканцем. Следовательно, и в этом вопросе суждения членов Союза спасения на первых порах его существования не отличались от мыслей, высказанных Боком.

Таким образом, сравнение основных положений конституции Бока с программными и тактическими установками Союза спасения в первое время после его возникновения заставляет признать их совпадение. Заниматься догадками о том, что стало бы с Бок, если бы он не был лишен свободы, не имеет смысла. Конечно, можно предполагать, что он не остался бы на тех позициях, на каких он остановился в 1818 г. Но было бы безнадежным делом пытаться решить вопрос, в какую сторону стал бы он эволюционировать. Предполагать возможность того, что Бок пришел бы к декабризму в той форме этого идейно-политического течения, какую оно приняло в 1825 г., тем меньше оснований, что Бок не был членом тайного общества. А идейный рост декабристов в известной степени определялся и тем, что они были связаны принадлежностью к тайному обществу. Вопрос о том, стал ли бы Бок членом тайного общества, не имеет решительно никаких оснований даже для своего гипоте-

⁷⁰ Восстание декабристов, Материалы т. IV, М.-Л., 1927, стр. 80.

⁷¹ Там же, стр. 101.

тического решения. Вступить в тайное общество Бок мог лишь при наличии многих условий, о возможности возникновения которых трудно судить.

Но как бы то ни было, в 1818 г. между Бок и членами Союза спасения существовало единство их основных программных требований и тактических принципов. Бок в тот момент, когда оборвалась его жизнь, шел в рядах наиболее передовых деятелей русской дворянской общественно-политической мысли. Этим определяется его место в развитии дворянского этапа русского освободительного движения.

ГЛАВА IV

Т. Г. БОК В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ. ОСВОБОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ

Черновик французского текста Записки Бока датирован 22 марта 1818 г. 7 апреля Записка была отослана Боком С. К. Вязьмитинову для передачи ее Александру⁷². Записку Бок сопроводил письмом на имя царя, черновой текст которого находится в том же деле, где хранится Записка. Письмо настолько выразительно, что его следует привести целиком.

«Смертный! — таким необычным обращением к императору начинается письмо — не требуйте от меня почтения: я готов предстать перед царем царей. Вы никогда не любили вашей жены, надежда отцовства никогда вас не смягчала. Вы не в состоянии постичь той печали, с которой я набрасываю эти строки.

Покинув Царское прошлой осенью, я вернулся в Ригу, чтобы сесть на корабль и отправиться за границу. Я поехал проститься со старым Паленом. «Отечество покидают только для того, чтобы отомстить за себя», сказал он*. Я понял, что был неправ. Следует иметь руководящий и неизменный принцип в этой жизни — без этого вы совершенно потеряетесь. Что общего между моим личным отношением к императору и долгом перед родиной?

Я выполнил свой долг, выполните ваш. Один и тот же судья будет судить нас. Никак не принимайте прилагаемый мемуар за бутаду молодого человека, за махинацию. С первого мгновения, как вы увидели меня, я никогда не мыслил иначе. Я не имел только достаточно доверия к вам, чтобы говорить свободно. Вы увидите истину во всей ее наготе. Я не пощажу даже того смешного, что вам дорого. К несчастью, вы больше боитесь насмешек женщины, чем упреков собственной совести.

⁷² В. И. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, СПб, 1909, стр. 63. В. И. Семевский располагал беловым экземпляром Записки, из которого и установил дату ее отсылки С. К. Вязьмитинову. В. И. Семевский сообщает, что Записка была одобрена гр. П. А. Паленом. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности ни подтвердить, ни отвергнуть это сообщение.

* Зачеркнуто: «Не покидайте отечество, если только вы не хотите отомстить за себя».

Мне безразлично то решение, которое вы примете относительно меня. Но я должен предупредить об опасности, которая вам угрожает с моей стороны: вы сделали добро моему отцу, были моменты, когда я верил в вашу искренность по отношению ко мне. Я хотел вас любить, но ваша скрытность ужасна, и я испугался вас.

Не одержимый тот, кто бранит императора. Ложь и лесть задушили Россию, ее можно спасти только правдой. Нет ни малейшего тщеславия в том, что я говорю. Бог свидетель, что никто, кроме вас, не слушает меня.

С каждым днем я привязываюсь к моей жене — она беременна и гонима всеми. Я могу исчезнуть, и ее участь тогда будет ужасна, но моя вера крепка, и я вверяю себя богу.

Я прошу у вас милости. Прикажите мне приехать к вам немедленно, но только не в Петербург: эти стены воскресят воспоминания, которые могут раздражить нас незаметно для нас самих. Дайте мне возможность остаться в течение пятнадцати дней не с вашими солдатами, а с вами самим, и вы никогда не упрекнете меня в недостойном поведении, а потом мы поговорим. Мы сможем договориться, и мы договоримся. Если, к несчастью, этого не случится, я попрошу Вас отправить меня в Дерпт к 10-му июня. Пришлите мне тележку, так как я беден*.

Никто не страдает более от того огорчения, которое я должен вам причинить...»**

Этот любопытный документ содержит в себе много путаного и противоречивого. Мысли, заключенные в нем, развиваются без внутренней логики. Непоследовательность этого письма совершенно иная, чем непоследовательность Записки в ее первой части. Там Бок, при всей напряженности своего изложения и отсутствии заботы о точности и ясности его, внутренне вполне логичен. В письме же он просто непонятен. Объяснить это, очевидно, возможно тем, что дошедший до нас текст письма представляет собою совсем вчерне составленный набросок, который должен был подвергнуться дальнейшей обработке. Черновой характер текста письма исключает возможность анализа его содержания***.

Одну интересную подробность сообщает Бок в письме: оказывается, он находился в столь дружеских отношениях с гр. П. А. Паленом, что счел необходимым проститься с ним перед своим предполагаемым отъездом за границу. Быть может, он поехал к Палену не только проститься, но и получить от него

* Зачеркнуто: «Я имею честь быть бедным».

** На этом текст обрывается.

*** В. И. Семевский, располагавший беловым текстом письма, не нашел, видимо, в нем ничего такого, что вызывало бы недоумение. В. И. Семевский не сообщил ни слова о его содержании, лишь назвав его «очень смелым» (В. И. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, СПб, 1909, стр. 63).

совет. Пален отнесся отрицательно к намерению Бока, и это удержало его от поездки за границу.

Когда Бок отослал Записку Вязьмитинову, Александр находился в Крыму. Записка была послана царю вслед и получена им, вероятно, в начале мая: письма Александра, отправленные на имя Ф. О. Паулуччи и содержавшие распоряжения относительно Бока, датированы 9 мая (они написаны из Перекопа); в одном из них царь сообщает, что «несколько дней тому назад (т. е. в первых числах мая) он получил Записку Бока. Этим несколькими днями оказалось достаточно, чтобы участь Бока была решена и распоряжения о нем были отправлены в Ригу и в Петербург.

Официальное предписание Паулуччи, подписанное Александром, было кратким. Царь писал, что Бок прислал ему бумаги, «наполненные лжи, нелепостями, противуречиями, особливо же непозволительной дерзости». Из них можно сделать заключение, что Бок — сумасшедший. Так как дерзких сумасшедших запирают, то Паулуччи должен Бока арестовать и отправить его вместе с вручителем предписания — прапорщиком фельдъегерского корпуса Михайловым, который имеет уже приказание, куда ему следовать.

Частное письмо Александра на имя Паулуччи (на французском языке), отправленное одновременно с предписанием, открывало все подробности дела. Александр посылал Паулуччи бумаги, полученные от Бока, предлагал с ними ознакомиться и отослать обратно. Царь писал, что их чтение заставляет предположить потерю Боком рассудка. В последние два года он много раз виделся с Боком, и Бок выражал личную привязанность к царю. Летом 1817 г. Бок в письме Александру сообщал, что он готовит какой-то труд для чтения его в ландтаге. Но выражения этого письма были вполне приличными. Несоответствие обычного поведения Бока его дерзкому поступку с тем большим правом заставляет говорить о его сумасшествии. Александр считает, что такое толкование поступка Бока — самое мягкое: во всякое другое царствование он был бы судим по всей строгости законов. Но такие сумасшедшие, как Бок, могут нарушить порядок, поддерживать который необходимо во всяком благоустроенном государстве. Да кроме того, не пристало первому должностному лицу в государстве (*le premier fonctionnaire d'un état*) позволять безнаказанно оскорблять себя. Поэтому Паулуччи должен лично отправиться к месту пребывания Бока и арестовать его, приняв меры к тому, чтобы Бок не ускользнул от ареста и не смог спрятать свои бумаги, которые должны быть опечатаны. Арестованного примет фельдъегерь и отвезет его в Шлиссельбургскую крепость. При выполнении этого поручения Паулуччи должен объявить Боку, что его дерзость не может быть терпима и что такие люди, как он, должны быть лишены возможности нарушать спокойствие и порядок.

Так писал Александр. Лицемерие этого письма настолько неприкрыто, что его, вероятно, почувствовал даже адресат. Говорить, что Бок заслуживает наказания по всей строгости законов, но что, снисходя к его болезни, ему следует назначить бессрочное одиночное заключение (как будет видно из дальнейшего, таково было решение Александра) — мог только человек, в лицемерии своем потерявший всякое чувство такта. Называть себя — «божьего помазанника» — первым должностным лицом в государстве — было таким же лицемерием, как и запрятать Бока в крепость якобы из жалости к его состоянию.

Поручив Паулуччи позаботиться о жене Бока и о его ребенке, который скоро должен родиться, и обещав взять на себя оказание ей помощи, если она нуждается в ней, Александр снова возвращается к Боку. Царь требует от Паулуччи тщательного рассмотрения бумаг Бока. Быть может, он является орудием кого-либо. Он в своем письме упоминает о гр. П. А. Палене. Не этот ли порочный человек, способный на все, действует за спиной Бока? Александр поручает Паулуччи иметь за Паленом надзор. В конце письма царь напоминает Паулуччи о необходимости соблюдать осторожность в отношениях с ландтагом и не допускать, чтобы на его собраниях обсуждались вопросы, не относящиеся к предмету его обычных занятий.

Одновременно с этими письмами Александр отправил Паулуччи еще одно. Оно относилось к прибытию бар. Крюденер в Россию. Царь предписывал Паулуччи не чинить препятствий приезду Крюденер в Россию, ибо безразлично, кто как молится богу. «Лучше, чтобы молились каким бы то ни было образом, чем вовсе не молились. Тогда меньше было бы иступленных вроде Бока и стольких других» (*tant d'autres*)⁷³. Последние два слова заслуживают особого внимания: это лишнее доказательство в пользу того, что Бок не был единственным из числа тех, кого царь назвал «иступленными».

Действуя в соответствии с предписанием царя, Паулуччи арестовал Бока 19 мая и в тот же день отправил его с прапорщиком Михайловым в Шлиссельбург, о чем он сообщил С. К. Вязминову рапортом от 2 июня 1818 г.⁷⁴ О том, как Паулуччи выполнил приказание Александра выяснить связи Бока и рассмотреть его бумаги, мы знаем из документа, относящегося к гораздо более позднему времени. Этот документ — докладная записка кн. А. Н. Голицына, поданная на имя Николая I в 1841 г. В ней Голицын сообщал, что дело Бока по приказанию Александра было поручено ему. Он хранил бумаги Бока

⁷³ Три письма имп. Александра Павловича к маркизу Паулуччи, «Русский архив», 1886, № 5, стр. 112—118.

⁷⁴ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), фонд 109, Третье отделение собственной е. и. в. канцелярии, I экспедиция, ед. хр. № 13, 1818 г., «О заключении отставного полковника Бока в Шлиссельбургскую крепость».

и в течение первых двух лет пребывания его в крепости получал от Плуталова рапорты о его состоянии. Вместе с тем Голицын сообщил некоторые подробности о Боке, которые могли быть неизвестны Николаю. Эти подробности касаются выполнения Паулуччи распоряжений Александра по поводу Бока.

Голицын писал в докладной записке, что Александр приказал Паулуччи арестовать Бока и «привести следствие и дознать, не состоит ли Бок в каких-либо политических связях». «Из донесения Паулуччи, — продолжает Голицын, — видно, что Бок ни в каких связях не состоял, что либеральные его мысли были плодом только собственной его мечтательности. В секвестрованных его бумагах также не отыскалось никаких следов отношения его к лицам по предмету его замыслов»⁷⁵.

22 мая 1818 г. Бок был привезен прапорщиком Михайловым в Шлиссельбург и сдан коменданту крепости Плуталову, о чем тот немедленно же сообщил Вязьмитину⁷⁶. К этому времени Плуталов имел уже предписание начальника Главного штаба е. и. в. кн. П. М. Волконского, посланное по приказанию Александра одновременно с его письмами Паулуччи. Волконский именем царя предписывал Плуталову заключить Бока в секретное отделение крепости и «иметь за ним строжайший надзор, чтобы он ни с кем не имел никакого сообщения. Сверх того строжайше повелевается вашему превосходительству наблюдать, не давать ему бумаги, перьев, чернил и карандашей, дабы не мог он ничего писать»⁷⁷.

У нас нет сведений об условиях заключения Бока в 1818 и 1819 гг. Видимо, они ничем не отличались от обычных условий содержания шлиссельбургских узников. Но с 1820 г. они резко изменились. Вряд ли возможно отыскать в истории царской тюрьмы еще один пример заключения арестанта в таких же условиях, в каких находился Бок. В денежных отчетах коменданта Шлиссельбургской крепости за 1820 г. встречаются такие статьи расхода: «цыгарки», «щеколад», «ящик колонской воды», «восковые свечи». В одном из счетов читаем: «Дано клави-кортному мастеру за настройку фортопьяны в прошлом 1820 году 25 р. Ему же на прогоны от Шлиссельбурга до С. Петербурга на две почтовые лошади 10 р.» В ведомости о расходах показано: «На счет полковника Бока того же года мая с 1-го 1822 года января по 1-ое число употреблено 365 р. 70 к. На счет

⁷⁵ ЦГИАМ, фонд 109, I экспедиция, ед. хр. № 292, 1841 г., «По переданному в III Отделение делу полковника Бока».

⁷⁶ ЦГИАМ, фонд 109, I экспедиция, ед. хр. № 13, 1818 г. М. Н. Гернет в «Истории царской тюрьмы» (т. 2, изд. 2-ое, М. 1951, стр. 384) приводит неверную дату прибытия Бока в Шлиссельбург — 12 мая. Отметим и другие неточности М. Н. Гернета: он называет Бока польским патриотом и указывает, что Бок был освобожден в 1828 г., тогда как его освобождение состоялось в 1827 г. (см. указ. соч., т. I, изд. 2, М., 1951, стр. 208—209).

⁷⁷ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), фонд 29, ед. хр. № 3338, Секретный исходящий журнал 1818 г.

его же 1822 года января с 1-го по 20-ое число декабря употреблено 853 р.» В донесениях Плуталова о приходе и расходе сумм, отпущенных на содержание секретных арестантов, имеется отметка Волконского от 30 мая 1821 г. о царском повелении взять из кабинета «на известное употребление» 5 тыс. руб. Такая же отметка сделана и 27 января 1823 г. Есть расписка Плуталова от 8 февраля 1823 г.: «Всемилошвейше пожалованные на секретных арестантов, в крепости Шлиссельбургской содержащихся, деньги пять тысяч рублей ассигнациями от начальника Главного штаба его величества кн. Волконского получил сполна». В ведомости, датированной ноябрем 1823 г., написано: «На счет полковника Бока сего года января с 1-го ноября по 2-ое число выдано деньгами и на покупку припасов употреблено 765 р. 15 к.» В ведомостях никто, кроме Бока, не упоминается⁷⁸.

Но все «милости», оказанные Боку царем, только прикрывали его настоящие чувства. А в них едва ли можно сомневаться: Александр был злопамятен и прощать Боку не собирався. Как увидим дальше, Боку были впоследствии оказаны и другие «милости». Но из крепости его все-таки царь не выпустил. Не выпустил и тогда, когда Бок психически заболел. Создавая для Бока столь необычные условия заключения, Александр надеялся сломить его упорство, заставить его признать свою вину, чего он безуспешно добивался с первых месяцев ареста Бока. Но Бок не шел на уступки, и царь продолжал его, больного и разбитого, держать в каземате Шлиссельбургской крепости.

В докладной записке кн. А. Н. Голицына, о которой говорилось выше, рассказывается о его попытках заставить Бока принести раскаяние. «Государю императору, — пишет Голицын, — при отъезде на конгресс в Лайбах угодно было дело Бока поверить мне, посему и комендант Шлиссельбургской крепости получил повеление извещать меня рапортами о состоянии арестанта. По занятиям моим и для соблюдения тайны в сем деле не мог я ездить сам в крепость, а с разрешения его величества посылал туда князя Ливена и пастора Мортимера для возбуждения в Боке раскаяния сообразно с самой целью его ареста (разрядка моя — А. П.) — возвратить заблужденного к более кротким и справедливым чувствам. Мое посредство в сем деле продолжалось слишком два года. Бок не переставал оправдывать себя в справедливости своего поступка».

С увещаниями принести повинную царю обращалась, повидимому, к Боку и его жена. В приведенных Лыжиным отрывках из писем Бока жене, написанных из крепости, читаем такие

⁷⁸ Государственная Публичная Библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Архив Н. К. Шильдера, картон 19, № 9 «К истории Шлиссельбургской крепости (донесения коменданта о приходе и расходе сумм, отпущенных на содержание секретных арестантов. 1821—1824)». Ср. М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. 1, изд. 2, М. 1951, стр. 208—209.

строки: «Ты, конечно, желаешь прекратить мои страдания, но чтоб я богу или чести изменил, того ты, верно, не потребуешь. Из сражения убежать стыдно, а богу изменить... сказать нельзя». Непреклонность Бока приобретает особое значение в свете того душевного состояния, в котором он находился и о котором можно судить по следующим отрывкам из его писем жене, сообщенным Лыжиным: «Я не касаюсь до фортепиан, чтобы не быть счастливым, когда ты страждешь»; «хочу рыдать, хочу кричать, но голос мой ослаб»; «плакать хочется, а уже два года слезы не текут»⁷⁹.

В 1820 г. по каким-то причинам Голицын был отстранен от наблюдения за делом Бока. Его место занял начальник Главного штаба е. и. в. кн. П. М. Волконский. Волконский, как раньше Голицын, получал от коменданта крепости ген.-майора Плуталова рапорты о Боке и отдавал ему различного рода распоряжения по поводу содержания арестованного. Рапорты Плуталова Голицыну пока не обнаружены. Рапорты же Волконскому сохранились. Они позволяют восстановить страшную картину заключения Бока с 1820 по 1826 г.

Первый рапорт Плуталова Волконскому помечен 8 июля 1820 г. «Содержащийся во вверенной мне Шлиссельбургской крепости отставной полковник Бок, — пишет не очень грамотный комендант, — в случае могущего приключения в болезни, то не благоугодно ли будет приказать находящегося при больнице Ладожского отделения штаб-лекаря Фау в присутствии моем допустить. Кроме же его других лекарей здесь в Шлиссельбурге не имеется, на что и осмеливаюсь ожидать вашего сиятельства предписания». Разрешения допустить к Боку врача, вероятно, не последовало: когда Бок действительно заболел, то вплоть до 1826 г. к нему врач допущен не был, насколько можно судить по рапортам Плуталова и резолюциям Волконского.

В рапорте Плуталова от 19 октября 1820 г. в первый раз содержится упоминание о заболевании Бока. Комендант крепости писал, что Бок «стал заговариваться» и вскоре «вышел совсем из рассудка». В дальнейшем болезнь приняла острые формы: Плуталов сообщил о буйных припадках сумасшествия, начавшихся у Бока и требовавших, судя по рапортам, применения смирительной рубашки. В редкие минуты просветления Бок читает и играет на фортепиано.

Короткие, сухие, написанные явно неумелой рукой, рапорты Плуталова все же чрезвычайно выразительны. Они воссоздают почти клиническую картину болезни Бока. Самое страшное в ней то, что к человеку, болезнь которого была ясна не только Плуталову, но даже в глаза не видевшим Бока Волконскому и Александру, не допустили врача. Царь разрешил только заочное лечение больного. Трудно сказать, чем была вызвана такая

⁷⁹ Н. П. Лыжин, указ. соч., стр. 77.

жестокость: боязнь ли Александра посвятить в тайну заключения Бока еще одно лицо (о том, что Бок находится в Шлиссельбургской крепости, знали Александр, Голицын, Волконский, Паулуччи, Плуталов и привезший Бока в крепость фельдъегерь), или желанием царя отомстить своему оскорбителю. Во всяком случае, это была сознательная, обдуманная, рассчитанная жестокость, имевшая губительные для Бока последствия.

В деле, хранящем рапорты Плуталова, имеется письмо жены Бока, относящееся, повидимому, к июню 1821 г. Письмо сохранилось во французском переводе с немецкого подлинника, которого в деле нет. Жена Бока обращается к нему с упреком за долгое молчание. «Вот уже девять месяцев, как я не имею ни одной строчки, написанной твоей дорогой рукой» — пишет она. В беспокойстве за мужа она покинула Выйзику и приехала в Петербург. Она пишет, что больше не в состоянии выносить мучений разлуки, усилившихся еще оттого, что она не может ответить на часто задаваемый ее сыном вопрос: «Где мой отец?» «Сделай все возможное для своего освобождения» — обращается она к Боку. «Отвечай мне сейчас же, как будет возможно. Я не уеду из Петербурга до получения от тебя ответа».

На письме имеется краткая, но выразительнейшая помета Волконского: «высочайше не велено посылать».

Летом 1821 г. психическое заболевание Бока снова дало обострение. Но и теперь Александр не разрешил посещение Бока врачом. Он только позволил Плуталову послать в Петербург крепостного врача, чтобы узнать в Обуховской больнице о способах лечения психически больных. Ездивший в Петербург врач сообщил Плуталову, что способ лечения, применяемый им, Плуталовым (!), признан правильным.

В течение последующего года рапорты коменданта говорили о припадках Бока, перемежающихся короткими промежутками просветления, и о сильной слабости его. Психическое и физическое состояние Бока явно ухудшалось.

9 июля 1822 г. Плуталов послал Волконскому рапорт, в котором в первый раз сообщил сведения о Боке, идущие дальше обычных сухих и точных справок о его здоровье. Он писал: Бок «просил меня, чтобы я показал его сына — он здесь. На это я ему сказал, что сына здесь нет и не может быть. Без воли его императорского величества не может видеть как сына, так и супруги, ибо оное от вас зависит в признании, за что вы здесь сидите. Он на сие отвечал: «Я виноват и вину мою изволит знать его императорское величество», о чем вашему сиятельству доношу». На рапорте имеется помета Волконского о резолюции Александра. Она свидетельствует о не покинувшем царя желании сломить всякие остатки сопротивления Бока и поставить своего оскорбителя, хотя и потерявшего рассудок, на колени. Волконский написал на рапорте: «высочайше повелено, приглася г.-м. Плуталова, лично приказать, чтобы объявил Боку, что

ежели будет продолжать себя так вести смирно и с раскаянием, то может надеяться, что его провезут в такое место, где может свидеться с сыном, что и объявлено Плуталову мною лично сего 17 июля 1822 г.».

Нужно было обладать тупой жестокостью, чтобы требовать смирения и раскаяния от вставшего в безумие человека. Однако в точности записи Волконского сомневаться не приходится.

Плуталов исполнил приказание царя не сразу: очевидно, этому помешал не недостаток служебного рвения у коменданта Шлиссельбургской крепости, а состояние больного. Только 7 августа Плуталов сообщил Волконскому, что он разговаривал с Бокон «насчет супруги и сына и о признании, за что сидит, но ничего не мог узнать». Далее Плуталов писал: «... Говоря я с ним, сказал он мне, что был в крепости его величество да и нужно ему теперь поститься, более ж ничего не мог добиться».

Видимо Плуталов ни по приказанию свыше, ни по собственной инициативе попыток разбудить у заключенного «смирение и раскаяние» больше не повторял: рапорты его в течение целого последующего года содержат только короткие сведения о том, что в состоянии Бокон перемен не произошло и что припадки по-прежнему посещают его. 11 июля 1823 г. Плуталов получил от нового начальника штаба е. в. И. И. Дибича приказание доносить ему по повелению царя о состоянии Бокон так же, как он доносил Волконскому.

С этого времени, т. е. с середины 1823 г., и до середины 1826 г. положение Бокон оставалось неизменным. Александр, видимо, перестал им интересоваться: на рапортах Плуталова Дибичу, посылавшихся теперь несколько реже, чем раньше, и заключавших в себе короткие справки о том, что Бокон находится в прежнем состоянии, никаких помет нет. Три долгих года Бокон провел без всякой медицинской помощи, в совершенной изоляции от внешнего мира, предоставленный надзору и заботам невежественного коменданта. О полном разрушении психики можно судить по его письмам, написанным в 1825 г. в ответ на пересланные ему письма родных. Плуталов сообщил Дибичу, что он передал Бокон пакет с письмами родных и объявил ему о разрешении Александра написать ответ. Бокон, попросив бумаги и чернил, написал ответное письмо, но оно такого содержания, что Плуталов не осмеливается переслать его, а представляет Дибичу лично. Это и другие сохранившиеся в деле письма Бокон лишены всякого смысла. Они свидетельствуют о полной потере им рассудка. Эти документы представляют собой грозный обвинительный акт против жестокого и неумолимого царя.

Дальнейшие рапорты Плуталова одинаковы по содержанию: Бокон скромен, тих, физически здоров, иногда заговаривается. Последний рапорт, хранящийся в деле, датирован 26 апреля 1826 г. Он написан в выражениях, ставших уже стандартными в рапортах Плуталова: «Содержащийся во вверенной мне Шлис-

сельбургской крепости отставной полковник Бок находится в прежнем положении, скромн и здоров, ест хорошо, но когда станет говорить, то сначала говорит хорошо, а потом заговорит вовсе непонятное, так что и слушать нечего, о чем вашему превосходительству сим доношу»⁸⁰.

Родные Бока не только поддерживали с ним письменную связь через Волконского и Дибича, но пытались хлопотать о его освобождении. Никто не знал, где находится Бок, но самый факт его заключения в какую-либо из крепостей был известен его родным. Брат Бока — тоже отставной полковник Г. Г. Бок — в 1821 г. обращался к великому князю Николаю с просьбой походатайствовать перед Александром за него. Неизвестно в точности, исполнил ли Николай просьбу Г. Г. Бока и ходатайствовал ли перед Александром или отказался говорить с царем об этом деле, но обращение Г. Г. Бока к Николаю ни к каким результатам не повело, и Г. Г. Бок, видимо, до 1826 г. своих попыток не возобновлял.

Умер Александр. Г. Г. Бок не решился обратиться к новому царю с просьбой сразу же после его вступления на престол: декабристское восстание создало слишком неблагоприятную обстановку для возбуждения ходатайства о «государственном преступнике». Но после окончания следствия по делу декабристов и опубликования судебного приговора Г. Г. Бок 30 июля 1826 г. обратился к Николаю с новым ходатайством о брате. В нем он писал, что данные следствия по делу декабристов могли убедить царя, что между ними и его братом не было ничего общего. Это обстоятельство дает ему основание обратиться к царю с просьбой облегчить участь несчастного, загладившего свой необдуманый шаг «пожертвованием лучших осьми лет жизни, проведенных в удалении от всего милого сердцу». Г. Г. Бок писал также, что по намекам Николая в беседе с ним, происходившей в Берлине, он мог догадаться, что брат его потерял рассудок. Если Бок действительно сошел с ума, то это обстоятельство не должно служить препятствием к его освобождению, так как выздороветь он может быстрее в кругу своей семьи⁸¹.

Ходатайство Г. Г. Бока имело успех. 10 сентября 1826 г. Бока посетил штаб-лекарь Учебного Карабинерного полка

⁸⁰ Государственная Публичная Библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел Рукописей. Архив Н. К. Шильдера, картон 19, № 3. Копия дела Военно-Ученого архива, отд. I, № 536 «О содержащемся в Шлиссельбургской крепости отставном полковнике Боке, впадшем в умственное расстройство. Рапорты коменданта генерал-майора Плуталова начальнику Главного штаба е. и. в. с 8 июля 1820 г. по 26 апреля 1826 г.».

⁸¹ ЦГВИА, фонд 36, Канцелярия дежурного генерала Главного Штаба е. и. в., опись № 4/847, св. 25, ед. хр. № 425, «По всеподданнейшему прошению отставного полковника Егора Бока о возвращении к семейству брата его, полковника Бока, содержащегося в Шлиссельбургской крепости. 1826—1827 гг.». Дальнейшие сведения о Боке заимствованы из документов этого дела.

Густав Элькан. Это было первое посещение врачом больного за время его шестилетней болезни. Элькан нашел, что состояние Бока настолько удовлетворительно, что он может быть отдан под надзор родственников. Через полтора месяца Бок по распоряжению Николая был переведен в Петропавловскую крепость.

В деле, послужившем источником для сообщаемых сведений, находится документ без обращения, подписи и даты (из его текста видно, что он относится к 1826 г.). Он вшит в дело между рапортом Плуталова Дибичу от 3 ноября 1826 г. о сдаче им Бока фельдъегерю для отправления в Петропавловскую крепость и рапортом лейб-медика Д. К. Тарасова гр. А. И. Чернышеву от 14 февраля 1827 г. о результатах освидетельствования Бока. Документ этот столь же краток, сколь и выразителен: «Жена полковника фон Бок, изъясняя, что муж ее за восемь лет пред сим арестован и неизвестно ей куда посажен, просит, если нельзя помиловать его, то по крайней мере удостоверить ее, в живых ли он находится».

Видимо, Николай, убедившись в безопасности Бока, решил его освободить. Но не доверяя свидетельству одного Элькана, он потребовал, чтобы Бок был осмотрен Эльканом совместно с Д. К. Тарасовым, состоявшим в должности лейб-медика еще при Александре. Тарасов сообщил Чернышеву 14 февраля 1827 г. что он нашел физическое состояние Бока «довольно хорошим». В психическом его состоянии «приметно некоторое улучшение».

Рапорт Элькана Чернышеву тоже от 14 февраля был сходен по содержанию с рапортом Тарасова. Элькан писал, что по временам Бок находится в полном душевном спокойствии и тогда трудно угадать в нем человека, потерявшего рассудок. Но когда на Бока «подействует что-нибудь неожиданное и для его чувств раздражительное, то воображение у него оживляется с необыкновенною пылкостью и тогда ясно доказывает, что он действительно помешан в уме».

Эти сведения, конечно, сообщенные Николаю, успокоили его. Он теперь счел возможным разрешить Боку свидание с женой, которая находилась в это время в Петербурге. Свидание состоялось в крепости 25 февраля 1827 г. в присутствии Элькана и другого врача (вероятно, Тарасова). Судя по рапортам обоих врачей Чернышеву, Бок сначала отнесся к своей жене, как к чужой, но потом узнал ее и был очень обрадован. Разговаривая с женой, он спрашивал о своем сыне и о знакомых, которых хорошо помнил. За время свидания он вел себя спокойно и никаких опасений у врачей не разбудил. Оба они полагают, что возвращение Бока в семью окажет на него благотворное воздействие.

Однако Николай не счел возможным освободить Бока немедленно. Только через три месяца он разрешил, наконец, ему уехать в Выйзику с обязательством жить в нем безвыездно под надзором местного начальства. Об этом Чернышев сообщил

рижскому военному губернатору — все тому же Паулуччи. Паулуччи поручил наблюдать за Боком вильяндискому (феллинскому) ордунгсрихтеру фон Штрику через управляющего помещьем Выйзику Латроба, что, по его словам, сможет обеспечить «неприметный и непрерывный» надзор.

10 мая 1827 г. Бок был освобожден, пробыв в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях без нескольких дней девять лет. В день освобождения от него была взята подписка о невыезде «ни под каким предлогом» из Выйзику без разрешения местного начальства. Жена Бока подписала обязательство следить за тем, чтобы ее муж в точности выполнял данную им подписку. После этого Бок и его жена в сопровождении фельдъегеря выехали из Петербурга. 12 мая 1827 г. они прибыли в Выйзику. Начался последний период жизни Бока.

Об этом периоде сведений почти не сохранилось. Материал, по которому можно было бы судить о жизни Бока после освобождения, чрезвычайно скуден. Все, чем мы располагаем — несколько документов официального происхождения и письмо Бока рижскому военному губернатору. Можно только утверждать, что от своей психической болезни Бок не излечился.

12 апреля 1830 г. на имя нового рижского военного губернатора бар. М. Палена поступило ходатайство от имени братьев Бока и его сестры разрешить Боку посетить поместье последней в Кооркюла. Кроме того, просители выражали желание получить разрешение отвезти Бока в Тарту и Таллин (Ревель), так как здоровье его требует частых советов с врачом. Пален отказал в просьбе уехать Боку в Таллин и Тарту, но разрешил под надзором родственников посетить имение сестры⁸².

Прошло немного времени, и к Палену обратился сам Бок. В письме от 11 августа 1830 г. он писал, что со времени его возвращения в Выйзику он перенес много болезней (паралич позвоночника, приступы глухоты, желудочные и кожные заболевания, болезнь немногих оставшихся у него зубов* и т. д.). Все эти болезни заставляют его часто думать о смерти. Судья церковного прихода Фридрих фон Латроб говорил ему, что, согласно имеющейся инструкции, он может поехать в Тарту только в том случае, если его положение станет опасным. Но необхо-

⁸² Центральный Государственный исторический архив Эстонской ССР в Тарту (ЦГИАЭ), фонд № 291, Канцелярия Прибалтийского генерал-губернатора, ед. хр. № 4633/380.

* В цитированной на стр. 24 статье В. фон Бока говорилось, что, по воспоминаниям автора, Бок на вопросы о прошлом ссылался на потерю памяти и с горькой улыбкой прибавлял: «Это связано с моими зубами». Автор, по его словам, чувствовал, что здесь под маской безумия скрыта какая-то тайна. Действительно, зубы у Бока были точно выбиты и переломаны. Автор вспоминает, что в 1862 г. он беседовал с другом и сослуживцем Бока майором Фридрихом фон Паткуль из Ревеля, и тот сказал автору, что при первой же встрече его с Боком после освобождения он обратил внимание на рот Бока, вид которого был отвратителен: зубы казались недавно выбитыми, а язык был изорван и истерзан.

димо, чтобы это было установлено документально. Бок считал бы для себя благом находиться в каком-либо «хорошем» городе. Если же этого сделать нельзя, то для него было бы большим утешением оказаться в 10—20 верстах от такого города, так как от Выйзику 68 верст до Вильянди (Феллина) и 75 до Тарту⁸³.

Это письмо, видимо, никакого результата не имело — следов того, что Пален или кто-либо другой на него ответил, не сохранилось. Тогда родственники Бока решили возобновить свои хлопоты. В том же 1830 году они снова обратились к Палену. Они писали, что помешательство их брата имеет тихую и безвредную форму и часто перемежается периодами просветления. Это дает им основание надеяться, что при продолжении лечения в Тарту или Таллине возможно полное выздоровление⁸⁴.

На второе обращение родственников Бока Пален откликнулся. Он отправил Чернышеву письмо, в котором изложил содержание поступившего к нему ходатайства и сообщил свое мнение по этому поводу. Он считает, что Боку можно разрешить поездку на время только в Вильянди, «в уезде коего состоит поместье его и который находится не на большой дороге, а также там есть опытные медики, следовательно, можно иметь всякое врачебное пособие». Любопытна ссылка на то, что Вильянди находится «не на большой дороге»: очевидно, Бока нужно было прятать от посторонних взоров — слишком много он мог рассказать. Письмо Палена было доложено Николаю, и тот согласился с его мнением. В нашем распоряжении нет данных о том, воспользовался ли Бок «милостивым» разрешением царя уехать в Вильянди⁸⁵.

Никакими сведениями о жизни Бока после 1830 г. мы не располагаем. Материальные условия его существования, по видимому, оставались неизменными с момента его приезда в Выйзику из крепости и до конца его жизни. Они были вполне удовлетворительными. Хотя Бока нельзя отнести к разряду богатых дворян России, но все же он мог на поступающие в его распоряжение по завещанию деда суммы жить безбедно, если даже он не имел материальной поддержки со стороны родственников.

Сын Бока — Георгий Тимофеевич — родился 6 октября 1818 г., т. е. через пять месяцев после ареста отца. Сначала он воспитывался в Царскосельском лицее, откуда поступил в Морской корпус. После его окончания занимал различные строевые и штабные должности во флоте, дослужился до чина вице-адмирала. В течение нескольких лет состоял воспитателем великих князей Александра Александровича и Владимира Александровича. Умер в 1876 г. О его отношении к отцу сказать решительно ничего нельзя. По всей вероятности, он мало видел

⁸³ ЦГИАЭ, ф. № 291, ед. хр. № 4633/380.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ ЦГВИА, ф. 36 лп. № 4/847, св. 25, ед. хр. № 425.

отца, так как воспитывался в Морском корпусе, который окончил в 1835 г., т. е. за год до смерти отца. Но, видимо, к памяти отца относился с уважением; иначе вряд ли он сохранил бы документы семейного архива, да еще позволил Н. П. Лыжину использовать их для статьи о Боке (Н. П. Лыжин напечатал свою статью еще при жизни Г. Т. Бока)⁸⁶.

В 1836 г. Бока постигла смерть. Наступила она при обстоятельствах, остающихся не до конца выясненными. Как сообщал муж сестры Бока П. Цеге фон Мантейфель барону М. Палену в письме от 13 апреля 1836 г., Бок 11 апреля погиб от выстрела из пистолета. В этот день утром он стрелял в саду в цель. После первого выстрела он вернулся в дом, чтобы зарядить пистолет. При этом он распорядился подать себе завтрак. Пришедшая с завтраком служанка нашла дверь в комнату Бока запертой. Это не могло обратить на себя внимание, так как Бок запирался по 5—10 раз в день. Но теперь пришлось выломать дверь. Вошедшие нашли Бока лежащим на полу мертвым. О преднамеренном самоубийстве здесь говорить нет оснований, так как покойный был слишком привязан к жизни. Он не был меланхоликом и считал себя счастливым. Непостижимо, как он достал пистолеты — его жена старательно их прятала. По всей вероятности, он воспользовался ее отъездом в Тарту, куда она отправилась за доктором. Заканчивал П. Цеге фон Мантейфель свое письмо сообщением, что местные власти произвели расследование и сообщили о результатах в соответствующие учреждения.

Несколько позднее (23 апреля) бар. М. Палену послал донесение лифляндский гражданский губернатор Е. фон Фелькерзам. Он писал, что расследование обстоятельств смерти Бока не позволяет установить в точности, покончил ли он с собой или с ним произошел несчастный случай, так как в момент смерти Бока никого при нем не было. Череп у него оказался раздробленным, и больше никаких признаков повреждений на теле не обнаружено⁸⁷.

Так умер Бок. С полной уверенностью нельзя утверждать, что он покончил с собой. Но версия о самоубийстве, родившаяся в момент его загадочной смерти и вошедшая позднее в литературу*, очень правдоподобна. То, что писал о нем в официальном письме П. Цеге фон Мантейфель, возбуждает

⁸⁶ С. Огородников, Статья о Г. Т. Боке в Русском биографическом словаре (том Бетанкур-Бякстер); ЦГИАЛ, фонд 1343, Департамент герольдии Сената, опись № 17, ед. хр. № 4812. «Дело о выдаче детям контр-адмирала фон Бока свидетельства на дворянское достоинство. Слушано 24 мая 1867 г.».

⁸⁷ ЦГИАЭ, ф. № 291, ед. хр. № 4633/380.

* Упомянувшийся на стр. 23 Вольдемар фон Левенштерн в своей книге, напечатанной в 1858 г., пишет, что Бок после освобождения из крепости, разочарованный во всех своих ожиданиях, лишенный всякой надежды, в отчаянии пустил себе пулю в лоб.

сильные сомнения. О каком уж тут счастье человека может идти речь, если он мучим таким множеством телесных недугов! Не избавился Бок и от психической депрессии. Можно предпологать, что воля к жизни ослабела у человека, перенесшего и переносившего столько страданий. Недаром же и прятала оружие от Бока его жена. Очень вероятно, что в момент обострения депрессии он не выдержал и покончил с собой.

*

Декабрист А. М. Муравьев в своих записках, озаглавленных «Мой журнал» (они написаны в 1852—1853 гг.), говоря о последних годах царствования Александра I, сообщал следующее: «Совершались неслыханные несправедливости... Полковник Бок, поддерживавший в течение долгого времени переписку с Александром, был заключен в Шлиссельбургскую крепость (где умер безумным) за то, что в одном письме напомнил, что царь отрекся от своих первоначальных настроений»⁸⁸. Это единственное упоминание о Т. Г. Боке в декабристских документах. Но если о Боке знал Муравьев, то, очевидно, знали о нем и другие декабристы. Они не могли быть в курсе дела всех подробностей, приведших его в Шлиссельбургскую крепость. Но сведения о нем, как о жертве александровского деспотизма и коварства, получили распространение в декабристских кругах, как показывает приведенная запись Муравьева. Эти сведения, пусть даже не совсем точные и, быть может, несколько приукрашенные, но, тем не менее, совершенно верные в отношении самого факта расправы царя с мужественным человеком, вошли в обвинительный акт против самодержавия и крепостничества, составлявшийся декабристами.

Трагическая история Бока представляет значительный интерес как показатель общего политического подъема, охватившего передовую дворянскую интеллигенцию России в период организации тайных обществ. Знакомство с жизнью и деятельностью Бока заставляет историка общественно-политической мысли в России этого периода с настойчивостью искать фактов, аналогичных тому, какой являет собой история Бока. Вряд ли можно сомневаться в том, что выступление Бока против самодержавия и крепостничества не было единственным в среде передового русского и не русского дворянства, оставшегося в стороне от декабристских организаций. Изучение материалов эпохи, исследованных еще в сравнительно слабой степени, позволит, очевидно, установить не мало фактов, свидетельствующих об интенсивной работе политической мысли в кругах передового дворянства. А это в свою очередь даст возможность лучше понять обстоятельства возникновения декабристских тайных обществ.

⁸⁸ Воспоминания и рассказы деятелей Тайных обществ 1820-х годов, I., М., 1931, стр. 119.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Формирование политической идеологии передового русского дворянства после Отечественной войны 1812 года	3
Глава II. Т. Г. Бок до заключения в крепость	17
Глава III. Записка Т. Г. Бока 1818 года	38
Глава IV. Т. Г. Бок в Шлиссельбургской крепости. Освобождение и смерть	80

Редактор Г. М. Борисов.
Технический редактор И. Вахтре.
Корректор С. Пальм.

Сдано в набор 3. XI 1952. Подписано
к печати 16. I 1953. Тираж 3000.
Формат бумаги 60 × 92, 1/16. Печати.
листов 6. Учетно-издательских листов
6,43. МВ-00008. Типография имени
Ханса Хейдеманна, Тарту, ул. Валли-
краави № 4. Заказ № 4035.

Цена руб. 5.50.

Руб. 5.50

1 XIII
A-795

69725

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00545802 3